

Письма Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ Императору Александру I-му.

Въ Государственномъ Архивѣ сохранилось нѣсколько пачекъ съ письмами Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ ея сыну-первенцу.

Нѣтъ сомнѣнія, что переписка была обширная и обоюдная въ теченіе всего двадцатичетырехлѣтняго царствованія Александра I-го. Сохранись она въ цѣлости до нашихъ дней, переписка эта была бы кладомъ для историка той оживленной эпохи. Къ сожалѣнію, уже не въ первый разъ приходится наталкиваться на досадные пробѣлы въ нашихъ архивахъ. Причина этихъ пробѣловъ становится понятной, если вспомнить, что многое умышленно подвергалось уничтоженію. Особенно систематично и неумолимо жегъ документы и письма Государь Николай Павловичъ: за его царствованіе исчезла не одна интересная рукопись. Относясь ревниво къ памяти старшаго брата, Николай I-й намѣренно сжигалъ все, что могло только бросить малѣйшую тѣнь на дѣятельность Благословеннаго Монарха.

Недаромъ встрѣчали мы такія надписи: „j'ai brûlé comme inutile pour la postérité“ (*), и надписи эти находились на бумагахъ, относящихся къ царствованію брата.

Такимъ образомъ, легко допустимо, что и большую часть переписки Маріи Ѳеодоровны съ Александромъ постигла таже участь, т. е. письма были сожжены. Иначе необъяснимо, что остались только такія письма, которыя имѣютъ лишь интересъ семейнаго характера и то за

*) Я сжегъ, какъ бесполезное для потомства.

периодъ 80-хъ и 90-хъ годовъ XVIII столѣтя, т.е. за царствованіе Екатерины II-й и отчасти за Павловское время, когда Александръ былъ еще юношею.

Не имѣется вовсе писемъ съ 1799 по 1805 годъ, а также съ 1811 до конца царствованія Александра. Остались отдѣльныя письма за 1806, 1807, 1808 и 1810 годы, и то съ надписью на обложкѣ почеркомъ Императрицы Маріи Феодоровны: „une lettre de moi à feu l'Empereur“¹⁾, т.е. съ подчеркнутымъ желаніемъ Государыни, чтобы письма эти сохранились для потомства. Видимо, Государь Николай Павловичъ исполнялъ столь ясно выраженное желаніе матери, и эти письма чудомъ уцѣлѣли. Ниже мы печатаемъ письма Императрицы Маріи Феодоровны къ сыну, дошедшія до насъ, одно за 1806 годъ и три за 1807²⁾.

Ознакомившись съ характеромъ этихъ писемъ, остается только пожалѣть, что не сохранилось ничего цѣльнаго. Понятно также желаніе Маріи Феодоровны, чтобы печатаемая ниже письма были когда нибудь преданы гласности, потому что въ этихъ обширныхъ посланіяхъ къ сыну-Императору Императрица-мать даетъ ему рядъ совѣтовъ къ веденію внутренней и внѣшней политики, весьма опредѣленно и подробно, и свои эти взгляды она желала сохранить для потомства. Если вспомнить, что послѣ катастрофы 1801 года Марія Феодоровна была не прочь взять въ свои руки бразды правленія, то станетъ болѣе понятнымъ ея нервное отношеніе ко всѣмъ событіямъ, къ которымъ она не могла отнестись равнодушно.

Въ письмѣ 1806 года сквозитъ желаніе повліять на дѣла внѣшнія и внутреннія и обнаруживается критика всего того, что было сдѣлано съ начала правленія Александра, многое вопреки ея совѣтовъ. Въ виду отсутствія переписки до этого года, можно съ увѣренностью сказать, что Александру приходилось всѣ первые года царствованія вести упорную борьбу со взглядами матери, но что за это время Александръ сумѣлъ отстоять свое мнѣніе и не поддался вліянію своей родительницы.

Еще болѣе наглядно проявляется желаніе властвовать въ письмахъ 1807 года, и Марія Феодоровна подъ часъ дѣлаетъ намеки на предъ-

¹⁾ Письмо отъ меня къ покойному Императору.

²⁾ Письмо императрицы Маріи Феодоровны къ Императору Александру I-му отъ 25 Августа 1808 г. и отвѣтъ на него Государя были напечатаны въ IV кн. „Русской Старины“ за 1899 г. Н. К. Шильдеромъ. На обложкѣ конверта письма Императрицы надпись рукой Маріи Феодоровны: „une lettre de moi à l'Empereur Alexandre de l'année 1808“.

идуція царствованія, гдѣ чувствуется досада, что власть не находится въ ея рукахъ. Если внимательно прочесть эти письма, то нужно только удивиться терпѣнію Александра Павловича, который не только долженъ былъ читать эти нескончаемые потоки чернилъ, но и отвѣчать на письма матери.

По оставшимся, уцѣлѣвшимъ посланіямъ вдовствующей Императрицы можно судить вообще о характерѣ ея писемъ, которыя не дошли до насъ и, очевидно, что, въ концѣ концовъ, Марія Ѳеодоровна всетаки добивалась несомнѣннаго вліянія на сына. Такъ, въ одномъ изъ писемъ отъ 18 Апрѣля 1806 года, она умоляетъ сына скорѣе уволить князя Чарторыйскаго, и дѣйствительно, князь Адамъ вскорѣ замѣняется барономъ Будбергомъ. Словомъ, вліяніе матери на Александра, въ теченіе всего его царствованія, теперь уже больше не подлежитъ сомнѣнію; но оно тяготило Государя, и только періодически онъ уступалъ ей, иногда нехотя *et de guerre lasse* *), но все же уступалъ.

Къ сожалѣнію, повторяемъ, мы лишены возможности послѣдовательно означить это вліяніе и эту борьбу между матерью и сыномъ, за отсутствіемъ документовъ; но что она была и что Александръ частенько изнемогалъ отъ назойливости вдовствующей Государыни, можно видѣть изъ переписки Александра съ сестрою Екатериной Павловной и изъ писемъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ своей матери, марграфинѣ Баденской. Мы еще не теряемъ надежды, что со временемъ удастся пролить болѣе яркій свѣтъ на отношенія Александра съ его родительницей, на основаніи другихъ документовъ; но такъ досадно, что не сохранилась въ цѣлости вся переписка.

Потому и здѣсь, историческая критика вынужденно поставлена въ узкія рамки, располагая лишь неполными матеріалами, бросающими нѣкоторые лучи на дѣйствительность, но не дающими общей полной картины всѣхъ отношеній современниковъ, ихъ работы и ихъ борьбы.

Великій Князь Николай Михайловичъ.

29 Сентября 1910 г.

---

*) Утомившись борьбою.

I.

Cher et bon Alexandre. Si je savais être heureuse isolément, je n'aurais qu'à vous exprimer tout le bonheur que votre tendresse répand sur mes jours, qu'à vous répéter journellement que je vous aime comme le meilleur des fils et que, par votre amitié et vos soins, vous répandez sur la fin de ma carrière toute la douceur et le charme de l'amour filial. Mais, cher enfant, mon cœur ne sait pas être égoïste: je voudrais voir élever dans tous les cœurs l'autel de l'amour et de la reconnaissance pour vous comme il est élevé à si juste titre dans le mien, mais qu'il m'en coûte de devoir vous dire, cher et bon Alexandre, que le contentement n'est pas aussi généralement répandu qu'il devrait l'être et qu'il dépend de vous de le répandre. Cher Alexandre, il existe du mécontentement, il en existe et dans la capitale et dans les provinces. Il est fondé en partie, et il me paraît injuste dans l'autre. Le cœur de votre Mère va s'épancher dans le vôtre, non, cher et bon Alexandre, avec l'âpreté du reproche, ni avec la ridicule prétention de s'ériger en juge dans des objets au-dessus de ma portée et de mes connaissances, mais avec l'abandon de la confiance qui dit à son enfant, à son ami: voilà ce qui est mal, voici ce qui me le paraît; voyez, examinez, jugez et profitez des avertissements de la meilleure et de la plus vraie de vos amies.

Les raisons du mécontentement, cher Enfant, parvenues à ma connaissance, paraissent pouvoir se classer sous quatre points:

1. La crainte et l'attente des événements politiques.
2. La crainte du désordre qui s'établit dans le régime intérieur de l'Etat.
3. La scission indécente qui règne dans le ministère et
4. Le mécontentement personnel contre vous, cher Alexandre, sous le rapport de vos devoirs d'Empereur.

Ne commettez pas l'injustice impardonnable vis-à-vis de vos sujets de ne pas vous croire aimé par eux: non, Alexandre, vous pécherez devant Dieu et devant eux, de vous permettre et de vous arrêter à cette idée. Souvenez-vous de tout ce qui s'est passé pendant votre absence! Souvenez-vous de l'accueil que vous avez reçu à votre retour! Souvenez-vous des larmes de bonheur que vous avez répandues à ces témoignages d'amour de vos sujets qui, disiez-vous si bien alors, vous faisaient oublier toutes vos souffrances, et bannissez cette idée cruelle, qui paralyserait tout l'élan que votre cœur doit mettre à faire le bonheur de vos sujets. Vous êtes aimé, cher et bon Alexandre, on rend justice à vos bonnes et excellentes qualités, mais il dépend de vous de l'être encore bien davantage, comme je vous le dirai dans le 4-e point de ma lettre. J'en viens au premier, celui de

la crainte et de l'attente des événements politiques. L'horizon se trouble de plus en plus depuis la malheureuse paix de Presbourg: l'Allemagne est bouleversée, l'Italie en entier a passé sous la domination de la France, la Hollande va appartenir au frère de Bonaparte: un des membres de sa famille est devenu même Prince Souverain en Allemagne; l'Etat Ecclésiastique est menacé de changements, et la Dalmatie, l'Istrie, passées au pouvoir de la France, servent au rassemblement d'une armée considérable, qui peut nous menacer d'un moment à l'autre d'une invasion dans la Moldavie et la Valachie; l'Autriche est paralysée et hors de combat, et la Prusse, assez perfide pour s'enrichir des dépouilles de la puissance avec laquelle elle était sur le point de signer un traité d'alliance, en contracte elle-même avec la France et, découvrant ainsi les principes de la conduite astucieuse qu'elle a tracée jusqu'ici, nous prouve évidemment que nous ne pouvons que la compter au nombre de nos ennemis.

La Turquie, en reconnaissant Bonaparte, a fait le premier pas d'un rapprochement vis-à-vis de la France, et, s'il faut en croire l'opinion générale, elle n'est pas bien disposée pour nous: au reste, il faut se dire que, menacée par la France de se voir disséminée ou flattée par elle de la promesse de l'indépendance de la Crimée et de l'espérance du retour des provinces acquises par feu l'Impératrice, la Turquie, dis-je, doit se porter contre nous ou par le mobile de la crainte ou par celui de l'espérance. Je crois la Suède fidèle à ses traités avec nous, mais elle est sans moyens. Le Danemark, s'il n'est pas de nos amis, du moins n'est pas notre ennemi. Enfin finalement l'Angleterre reste la seule puissance qui lutte contre le Colosse Français, et la seule que nous pouvons croire dans nos intérêts par le grand principe politique qu'elle y trouve le sien propre. Voilà le tableau rapide des circonstances et de l'état de l'Europe depuis cette malheureuse paix de Presbourg.

En faisant le résumé de ces circonstances, je n'ai qu'une pensée, cher Alexandre, celle de vous développer leur effet sur l'esprit public, et le voici. On se dit: l'existence politique de la Russie est en danger, elle a perdu son influence, sa considération: elle n'est plus comptée dans la balance de l'Europe, ses alliés sont perdus. L'Autriche a fait la paix la plus honteuse, pour ainsi dire, en face de nos armées; Naples a dû être abandonnée par nos troupes et est subjuguée par la France: enfin nos troupes ont dû se retirer partout: nous avons été leurrés et finalement trompés par la Prusse et trahis par l'Autriche. La gloire de nos armes a souffert l'échec le plus fâcheux: le prestige d'invincibilité acquis sous le règne de feu l'Impératrice, soutenu dans le règne de feu l'Empereur par Souworof, est détruit. et jamais

une bataille perdue n'eut des suites plus funestes. Notre soldat n'est plus ce qu'il a été, il n'a pas de confiance dans ses officiers, ses généraux. L'esprit militaire est changé. En un mot enfin, l'armée est désorganisée, et, dans cet état de choses, la Russie se trouve menacée d'une nouvelle guerre. La France rassemble des forces considérables dans les provinces limitrophes de la Moldavie et Valachie; il ne lui en coûte qu'un mot pour soulever les Turcs et la Prusse contre nous. La Russie devra donc résister aux forces réunies de la France, de la Turquie et de la Prusse; heureusement si l'Autriche, forcée par son anéantissement à rester oisive, nous donne le bienfait d'un ennemi de moins à combattre! Et dans ce péril pressant, que faisons-nous, quelles mesures actives prenons-nous? Fort bien, nos armées sont sur les frontières: mais qui trace le plan d'opération à faire? Les jeunes militaires qui entourent l'Empereur lui sont dévoués, attachés, mais ont-ils les connaissances, l'expérience nécessaire pour suffire à un travail qui demande des têtes grises, expérimentées, qui ont la confiance de la nation et qui ont payé de leur personne? Or, où sont-ils? Il n'y en a pas un, de tous ceux qui entourent l'Empereur, qui jouisse de cette confiance politique. On a vu par la bataille d'Austerlitz que la mémoire seule ne suffit pas: il faut un plan raisonné, discuté avec tout le sang-froid de l'expérience, qui calcule tout aussi bien les succès que la possibilité des revers, pour que, dans ces malheureux cas, les têtes ne se perdent pas: une seconde bataille de perdue, et l'Empire est en danger. L'Empereur a prouvé la plus belle valeur personnelle, mais le métier de la guerre veut être étudié à la grande école de l'expérience; il faut donc qu'il consulte des gens qui y ont passé. Pourquoi ne s'entoure-t-il donc pas de ces anciens vétérans, dont le nom seul imposerait déjà aux clameurs, lorsqu'on saurait qu'il les consulte pour arrêter des plans importants que les circonstances du moment exigent si impérieusement, et qui doivent étendre leur entière prévoyance sur toutes les chances possibles pour préserver l'Etat des malheurs, tranchons le terme, de la honte. Les craintes de ce même genre occupent les esprits sur notre politique. On nous sait abandonnés et trahis par la Prusse, et n'ayant pour alliés que l'Angleterre et la Suède: la situation de l'Angleterre ne nous rend son amitié utile que sur mer, mais, si la lutte commence, nous seuls la soutiendrons sur le continent, et certainement tous les esprits sont tendus et inquiets sur le parti que notre cabinet a pris. L'injustice des hommes est et sera toujours telle, que le succès seul décide du suffrage ou du blâme d'une entreprise, et tel plan, admiré généralement au premier moment de son développement, entraîne le blâme après lui, si le succès ne couronne pas l'entreprise. Tel a été le cas de

l'événement de l'automne passé, qui, après avoir exalté l'esprit de beaucoup de monde, est blâmé dans ce moment assez généralement, parce que les uns ajoutent au succès malheureux de la campagne la réflexion qu'ils ont été opposés au projet même d'entrer en lice avec les Français; les autres, qui ont même approuvé et apprécié toute la beauté et la magnanimité des projets, trouvent conjointement avec les premiers que le plan, superbe et grand dans son principe, a été mal conduit, que nos informations sur l'état des puissances étaient fausses, et accusent le Ministère de manquer de prévoyance et de prudence. On se réunit donc à fonder la crainte pour l'avenir sur le passé; l'on n'a aucune confiance dans les nouveaux plans politiques de notre Ministère, et c'est ce manque de confiance qui excite la crainte et la terreur pour l'avenir: ainsi le premier point de mécontentement porte et se fonde sur le manque de confiance dans les chevilles ouvrières, et pour la partie militaire et pour la politique.

Le second objet d'inquiétude et de mécontentement est celui du désordre qui s'établit dans le régime intérieur de l'Etat. Il faut reprendre les choses, pour ainsi dire, dès votre avènement pour l'analyser. Il est sans aucun doute que la partie administrative de l'intérieur de notre pays avait été négligée dans les dernières années du règne de feu l'Impératrice, quoiqu'en même temps on ne puisse se dissimuler que le caractère du gouvernement d'alors, même dans cette partie, portait l'empreinte de la force, de l'énergie, et que l'esprit public valait infiniment mieux que dans ces temps-ci; mais il est tout aussi vrai qu'il se faisait de grands abus. Feu l'Empereur voulut porter remède, et le mal se cacha sous des dessous trompeurs; il se fit plus en cachette, mais il existait cependant. Vous parvîntes, cher Alexandre, si inopinément au trône, si jeune, que, quoique placé par votre Père au Sénat, au Collège de Guerre, au Grand Conseil, vos occupations militaires absorbant la plus grande partie de vos loisirs, vous ne pûtes connaître à fond le véritable état de votre Empire. Les horribles circonstances de votre avènement ayant ébranlé, pour ainsi dire, le trône lui-même et changé l'esprit public, qui a passé dans un jour de la crainte presque à la licence, vous dûtes presque une année entière plier aux circonstances et donner vos soins à rassurer les esprits, à y remettre le calme et l'assurance. Je place cette époque du retour à un calme parfait, au printemps de l'année 1802, après l'éloignement de Platon Zoubof. Pendant l'année 1801, il vous fut donc impossible encore d'apprendre à connaître Votre pays, et il paraît probable que ce n'est que le printemps et l'été de 1802 que Vous y avez donné vos soins. Vous avez fixé en automne de cette année la nouvelle organisation de l'administration présente et vous avez formé votre nouveau Ministère. Cette orga-

nisation a eu des détracteurs et des chalands. Elle a été critiquée parce qu'elle était la copie de l'administration moderne de la France et pour la chose et pour le nom. Elle a été critiquée parce qu'elle détruisait d'anciennes formes en introduisant des nouvelles et touchait à un mode d'administration organisé par Pierre I-er, et elle n'a pas trouvé de partisans parmi les personnes d'âge habituées au régime passé. Elle a été approuvée par d'autres, parce qu'on croyait y trouver plus de moyens d'ordre, moins de facilité au gaspillage, plus d'énergie et d'activité. enfin une organisation plus parfaite et moins de possibilité à la volonté arbitraire: en un mot, on veut y voir un pas de gagné sur le despotisme. Les anciens, par contre, prédisaient que le désordre devait s'établir par ce mode de gouvernement. Enfin tant y a que la voix publique dit que l'administration intérieure des provinces n'en est pas devenue meilleure. que la vénalité est plus forte que jamais et que ces nouveaux arrangements portent de la lenteur dans les affaires et mille difficultés dans l'exécution. On croit que le pouvoir des gouverneurs est trop limité et leur responsabilité trop grande en proportion, et que c'est la cause que toute place de gouverneur est difficile à remplir et que tant de personnes les refusent. Enfin les changements faits dans plusieurs de nos provinces allemandes sont aussi une grande cause de mécontentement. On trouve que, dans le mode actuel, l'énergie manque et que le gouvernement n'est pas assez respecté, parce que les intermédiaires n'ont plus le pouvoir en main. qui donne à leur personne un caractère respectable. Chaque nouvelle mesure déplaît toujours. et il faut qu'elle ait passé par le brouet de l'expérience pour qu'on l'adopte avec plaisir et qu'elle acquière des titres au respect et à la confiance. Enfin on se dit que jusqu'à ce moment les ministres n'ont pas d'instructions encore, que personne d'eux ne sait jusqu'où s'étendent ses devoirs, sa responsabilité, et qu'il y a des points de contact d'autorité qu'eux-mêmes ne savent pas résoudre, et que tout ceci nuit à la marche des affaires. Si j'ajoute une réflexion à ce point, j'espère, cher Alexandre, qu'en la lisant, vous direz que je ne la trace pas en ajoutant l'idée d'un conseil à vous donner, mais que je vous énonce purement et simplement mes façons de penser. Vous avez organisé et décrété une fois le nouveau mode d'administration, et si peut-être il y avait de la hâte à se déterminer, après dix-huit mois de règne, à un si grand changement, il y aurait de l'inconséquence à le renverser: ce serait une nouvelle source de désordre. Mais il me paraît que l'expérience de trois années consécutives a dû fournir des données sûres sur le fort et le faible de cette administration, sur les changements qu'il y aurait à faire pour donner à cet ordre de choses toute l'énergie, toute l'activité, toute la force, tout l'ensemble, pour faire

coopérer chaque partie au bien de l'Etat et puis pour tracer à chacun les limites de son devoir et de sa responsabilité. Je croirai donc que, sans aucun ébranlement quelconque, sans même donner l'apparence d'aucun changement, il faudrait s'occuper sérieusement à tracer les instructions de chacun des ministres séparément et à faire une instruction générale pour tous qui ferait connaître leur rapport séparé et mutuel, et dans ces instructions on pourrait alors rectifier tout ce qu'il y aurait à changer dans le régime présent. Peut-être même serait-il utile de charger des personnes estimées du public, mais éloignées du ministère, auxquelles on aurait fourni le canevas des devoirs qu'on exige de chacun des ministres, de tracer ces plans d'instruction, qui demanderaient à être discutés ensuite dans votre présence. Ce mode aurait le double bien, savoir, en premier lieu, des instructions où les devoirs à remplir seront fortement prononcés, parce qu'en général il est plus facile et on est plus sévère à tracer des plans de conduite pour d'autres que si on y est intéressé soi-même, et, en second lieu, ces mêmes personnes seraient les premières alors, mais par leur amour-propre, à soutenir ce plan d'organisation. En joignant à ces mesures des choix sévères pour les personnes du ministère, en leur accordant la confiance, en les soutenant, les affaires doivent prendre une marche imposante, qui fera cesser les clameurs et maintiendra le bon ordre partout. J'entends dire assez souvent que, du temps de feu l'Impératrice, l'organisation du gouvernement avait l'avantage de déployer de l'énergie et de la force dans chacune de ses parties, et l'Impératrice même, pour ainsi dire, ne faisait cependant que veiller sur les individus auxquels elle avait accordé sa confiance et qu'elle avait rendus dépositaires d'une partie de son pouvoir. Elle les guidait, les redressait. Orlof, Potemkine, Viasemski, malgré toute leur autorité, tremblaient devant elle. Elle avait l'art de maîtriser si bien l'opinion, que, lorsqu'une démarche du gouvernement était même critiquée, le blâme en tombait sur le ministère, et non sur sa personne. Elle avait donné l'apparence de la grandeur et du pouvoir à chaque état, à chaque individu, à chaque département, et, avec tout cela, elle seule avait le sceptre en main, tout en ayant l'air de partager sa puissance. Il est vrai qu'il se commettait de grands abus, mais présentement, cher Alexandre, ni les personnes, ni les places, ni les départements ne sont respectés, et cependant la masse de votre puissance n'en est pas augmentée, ni les abus moins fréquents. J'oserai avancer hardiment qu'il n'y a pas assez d'intermédiaire entre le souverain et le sujet, les affaires et lui: la plus petite affaire est, pour ainsi dire, portée à votre décision; la responsabilité du ministre en diminue, mais celle du Souverain en augmente, et celui d'un Empire comme la Russie dont l'étendue est immense ne peut suffire par cette organisation

à remplir les devoirs qu'il s'est imposés, et il doit ainsi négliger les grandes affaires, au lieu qu'il paraîtrait que ses occupations seraient assez étendues selon la mesure des forces humaines, en se bornant à diriger et à surveiller les grandes mesures d'administration civile et en rendant les ministres responsables de l'exécution.

Le troisième point de mécontentement porte sur la scission indécente qui existe dans le ministère. Vous n'ignorez vous-même pas, cher Alexandre, le peu d'union qui règne entre tous ces messieurs. Si l'éloignement de ces messieurs l'un pour l'autre n'était qu'individuel, ce ne serait jamais au Souverain à le connaître: il ne peut ni ne doit s'ingérer dans des disputes particulières, mais, s'il est de fait que ces scissions nuisent au bien des affaires, parce que les mesures individuelles que chaque ministre prend dans son département sont critiquées par les autres, je demande alors quelle confiance le public peut prendre dans les démarches d'un ministre que ses collègues critiquent, et quel ébranlement cela doit donner à l'opinion publique sur les mesures du gouvernement. Si le blâme des mesures prises à faux porte avec justice sur les ministres, il porte en même temps sur le Souverain, qui en a fait choix et qui a approuvé ses mesures. Si le blâme est injuste, il est de la dignité du Souverain d'interposer son autorité pour le faire cesser, et d'exiger de ses ministres de respecter la dignité de leur collègue dans tout ce qui a rapport aux affaires de sa place, où il ne parle et n'agit qu'au nom du Souverain même, après que celui-ci a sanctionné ses mesures. Aussi longtemps que la sanction Impériale n'est pas donnée, la discussion doit être permise, tant de collègue à collègue, si les affaires de l'un ont du contact avec les affaires de l'autre, que de la part du ministre vis-à-vis de son Souverain même: il doit oser lui dire sans crainte toutes les vérités qui ont rapport à sa partie, et y ajouter tout ce que le zèle lui inspirera pour appuyer ses raisons; mais la décision du Souverain est-elle prononcée, et se trouve-t-elle même en contradiction avec la façon de voir du ministre, celui-ci doit être, par le devoir de sa place, le premier cependant à la soutenir en public et ne pas se permettre de la critiquer. Voilà le devoir de l'honnête homme en place! Il doit soutenir le respect public pour son Souverain, ou se démettre de sa place, s'il croit que sa façon de voir ou de penser est trop éloignée de celle de son Souverain. Cette unité dans le Ministère est absolument nécessaire pour donner de la force et de l'énergie au Gouvernement: le manque d'harmonie paralyse le Gouvernement en détruisant la confiance du public. Vous n'ignorez pas, cher et bon ami, que presque tout votre Ministère actuel n'a pas le bonheur d'en jouir. Il ne m'appartient pas, et je ne me permets pas, de juger si cette défiance est fondée ou non, mais il est certain qu'elle existe, et

qu'elle ne diffère que dans le plus ou moins individuellement. Celui qui est le plus en but à la haine publique est le Pr. Czartoriski. Deux raisons se réunissent pour exciter cette haine, celle, qu'il est polonais et celle des malheurs de l'automne passé. Si je m'arrête plus longuement sur ce point, c'est que je me dois à moi-même et à vous, cher Alexandre, de l'analyser plus en détail. Vous vous rappellerez de ma douleur profonde à la nomination du Pr. Czartoriski au Ministère, de toutes les représentations que je vous ai adressées, des prédictions que je vous ai faites sur les suites qui en résulteraient. Vous vous rappellerez que je vous ai dit et écrit que le Pr. Czartoriski, selon ma façon de penser, manquait de délicatesse, d'attachement pour vous en acceptant cette place. Vous nommâtes cependant le Pr. au Ministère. Les circonstances avec la France s'embrouillaient, le Chancelier se retira, et le Prince resta seul dans ces circonstances critiques. Enfin les événements se décidèrent; Vous partîtes. Votre plan se développa d'une manière si grande, si belle qu'il remplit d'attente et pénétra de respect pour vous; même à Moscou il fit naître l'enthousiasme. Les circonstances changèrent: nous eûmes des revers, finalement des malheurs, et l'opinion se prononça fortement contre le Prince Czartoriski. Je vous avoue, cher Alexandre, que, pénétrée d'estime pour vos idées grandes et généreuses, déplorant nos malheurs, je prévis au moment même de leur nouvelle toutes les conséquences qui en résulteraient. Je me dis que le mécontentement contre le Pr. allait se manifester: je sentis que c'était en même temps blâmer vos démarches, et, le jour même de la nouvelle de la bataille, je me dis à moi-même qu'il me paraissait être de votre dignité de soutenir votre ministre dans cette occasion, qu'il y allait de votre gloire de ne pas laisser de victime de l'opinion, qui autorisée à en demander, apprendrait à vous faire la loi. Vous vous rappellerez de toutes ces paroles que je vous ai dites le lendemain de votre arrivée. Vous me contâtes que le Pr. fut opposé à l'avis de livrer bataille; vous me dîtes que, nonobstant cela, il s'est exposé à tous les dangers et vous a servi au fort de la mêlée: après ce trait de dévouement, je ne mets plus en doute l'attachement personnel du Pr. pour vous, et n'oublierai jamais le témoignage qu'il vous a donné. Ce grand motif, joint à la conviction intime qu'il était important pour vous dans ces circonstances fâcheuses de déployer de la fermeté à soutenir votre ministre, m'a engagée à vous dire ma façon de penser sur ce point qui s'est trouvée si entièrement conforme à la vôtre. Nous voici à quatre mois et demi de cette époque sans que le mécontentement contre le Prince soit moins âpre: non, au contraire, il faut se l'avouer, les clameurs deviennent plus fortes à mesure que la saison avance et qu'on croit devoir s'attendre à de nouveaux événements.

Il vous appartient présentement à vous, cher Alexandre, de juger, par le degré de confiance que vous accordez au Pr. Czartoriski et à ses lumières, s'il est de l'intérêt de votre service de le laisser lutter contre des sentiments aussi prononcés, et, en ce cas, il faut le soutenir, ou, si votre confiance n'est pas plénière en lui, s'il est plus utile au bien de l'Etat de lui accorder la retraite qu'il vous a demandée déjà plusieurs fois, comme vous me l'avez dit vous-même.

Avant que de commencer à traiter le quatrième point, celui des causes du mécontentement personnel contre vous, je m'arrête à la réflexion touchante de la bonté de votre cœur, de votre amour pour la vérité, du désir profond que vous avez de voir vos sujets heureux, et de cet oubli total de vous-même lorsqu'il s'agit du bien à faire. Croyez-moi, cher enfant, toutes ces bonnes et excellentes qualités sont reconnues, aimées et respectées en vous. L'idée de la bonté s'est identifiée avec celle de votre personne: chacun de vos sujets en est convaincu. Aussi, jusqu'à ce moment, vous possédez en plein leur amour; il ne s'agit que de gagner leur confiance dans vos principes d'administration, et de leur rendre plus respectable encore votre titre d'Empereur. Vous êtes monté sur le trône à l'âge de 23 ans; à cette époque de la vie, on captive l'amour, l'intérêt, la tendresse, mais le respect ne s'obtient qu'avec l'âge, surtout lorsque, comme vous, cher Alexandre, on n'est entouré d'aucun prestige de la grandeur. Vous les avez tous abolis. et, différant en ce point du tout au tout de la façon de penser de votre Grand-Mère, qui voulait donner au public, par ce cadre de grandeur dont elle entourait même la plus cadette de vos sœurs, un motif de plus pour la respecter elle-même, vous, au contraire, dès votre avènement au trône, vous avez aboli par votre personne tout éclat qui, aux yeux du vulgaire, marquerait votre grandeur, et vous vous êtes mis sous bien des rapports au niveau des autres. Du plus au moins, cher Alexandre, l'esprit public s'en est ressenti, on s'est accoutumé à voir le Souverain sous les dehors du particulier, et le respect pour la dignité de sa place en souffre d'autant plus, que même toute occasion qui pourrait rappeler au vulgaire que, si les formes extérieures de grandeur sont mises de côté pour le journalier, elles sont conservées aux grands jours où la Majesté du trône paraît dans tout son éclat, toutes ces occasions, dis-je, n'existent plus. Les apparitions en public n'ont aucun éclat: à la Cour, les jours d'ordres sont abolis, personne même ne porte plus les décorations que le dimanche, et les ordres ont perdu de leur prix. Les grands jours de fête n'ont point d'autre appareil que celui que les dimanches de chaque semaine avaient du temps de feu l'Impératrice; les dimanches ordinaires, la Cour est déserte, les Grands ne la fréquentent plus, et, lorsque le peuple sait son Souverain et sa famille à l'église, il

voit les Grands se promener dans les rues, et la vue de la grande place dégarnie de voitures lui dit que le public ne fréquente pas la Cour: la comparaison du passé se présente à sa mémoire et est désavantageuse pour le Souverain, car elle lui prouve moins d'empressement de la part du public de le voir et moins de religion dans nos Grands, qui s'abstiennent des devoirs prescrits par l'Eglise. Ces réflexions diminuent le respect pour le Souverain, les égards pour nos Grands, et peut-être même ont une influence funeste sur la religion du peuple, qui de plus au moins singe les Grands. La Cour nous est inconnue à nous-mêmes: les individus dont elle est composée ne paraissent jamais devant nous que pendant le moment de la Messe, et même pas avec une rigide exactitude; ainsi ils nous restent à jamais des êtres inconnus, au lieu que du temps de feu l'Impératrice ils étaient placés de manière à être connus et jugés. Les grands jours de Cour du soir, si aimés par le public, comme les seules réunions où pendant une heure et demie de temps, tout au plus, le public voyait toute la famille réunie entourée des Grands, de la Cour, des étrangers, et du public même, sont abolis, ou remis à des époques si rares, qu'on en perd le souvenir; enfin toute cette magie de grandeur qui en imposait au public n'existe plus. Ajoutez à tout ceci que ni les Grands, ni le public ne sont plus flattés par le Souverain, que les décorations, n'étant pas même données par vos mains, en sont moins estimées et prisées, quoique peut-être encore désirées, que les récompenses ne peuvent plus être mises en comparaison ni par leur éclat, ni par leur magnificence à celles accordées par feu l'Impératrice et feu l'Empereur, et concluez que tous ces mobiles de l'amour-propre et d'intérêt n'existant plus, vous devez, pour ainsi dire, à vous seul, cher Alexandre, à force de vertu, à force de grandes et belles qualités et de belles actions, captiver les sentiments et les suffrages dont jouissaient les Souverains qui employaient et tiraient parti de tous ces avantages de la Souveraineté. Nous vivons en particuliers bien aisés et riches, mais non pas comme il appartient à des têtes couronnées. Vous ne voyez même que très rarement vos ministres à votre table; le public, cher Alexandre, attentif à tout, retenu par aucune apparence de grandeur qui lui imposerait silence, tout en l'occupant, privé de ce frein, s'établit juge sévère, et, ne voyant plus le Souverain dans l'appareil de la gloire, exerce librement sa critique, tout en la commençant par le blâmer de s'être mis en prise ainsi lui-même et de n'avoir pas assez respecté ni estimé sa dignité. Rappelez-vous, cher Alexandre, mes représentations à ce sujet depuis votre avènement. Vous ne m'avez pas crue alors, lorsque je vous ai tracé souvent les suites qui en résulteraient sur l'opinion publique. Malheureusement je ne me suis pas trompée, et, dans ce moment où tout est jugé et critiqué, j'ose vous

en reparler, dans le seul et unique but d'arrêter vos réflexions sur ce sujet. Si tout le monde avait une façon de penser éclairée, tous ces prestiges seraient inutiles, mais, dans les circonstances actuelles, ils deviennent nécessaires, et d'ailleurs il est de l'homme de désirer d'honorer celui à qui il doit obéir, car son amour-propre en est flatté. Un grief donc qu'on a contre vous, cher Alexandre, c'est de ne pas estimer et priser assez votre place d'Empereur, d'avoir mis de côté tout appareil de grandeur: on blâme le ton de familiarité de jeunes gens avec vous, on sait que vous le permettez, et même on croit que, lorsqu'un homme d'âge vous traite avec ce respect auquel il était accoutumé vis-à-vis de ses Souverains, vous vous en moquez.

La grande retraite dans laquelle vous vivez ne fait pas plaisir. On vous croit paresseux, cher et bon Alexandre, et on voudrait vous voir plus d'activité. On sait cependant que vous donnez beaucoup d'heures au travail, mais on dit que bien souvent vous vous occupez de petits détails qui ne sont pas faits pour vous, mais qui vous prennent beaucoup de temps. Entre autres, je vous avoue qu'on trouve que c'est à tort que vous voyez chaque recrue vous-même, que c'est un détail au-dessous de vous. On n'est pas content (et ceci est un reproche qui me paraît, cher Alexandre, mériter bien de l'attention) des difficultés extrêmes qu'on apporte présentement aux choix des recrues: la taille, l'âge, la santé sont des points importants, qui, établis par les lois, doivent être remplis d'après le terme même de ces lois, mais on se plaint qu'en le remplissant, on n'est pas à l'abri des chicanes sur la figure, la physionomie, et qu'on change et renvoie souvent des recrues qui devraient être admis; ceci indispose beaucoup. On voit avec peine que vous donnez trop de temps aux exercices de détail de tous les jours, qu'on croit être l'affaire d'un officier subalterne, mais non pas du Souverain même. On blâme le peu de régularité dans vos heures de travail: vos ministres attendent des heures entières, ils les passent dans votre antichambre à ne rien faire, et, en attendant, bien des personnes pressées par leurs affaires et leurs besoins les attendent par contre chez eux, et négligent ainsi les devoirs de leur place. Enfin, cher Alexandre, on croit apercevoir que vous avez une pente à la méfiance, et que vous l'étendez généralement sur tous les individus. C'est un grand défaut, mon bon ami, sur lequel je vous conjure de veiller. Je sens qu'à votre place, avec l'expérience journalière que vous êtes dans le cas d'acquérir, vous êtes souvent légitime de vous y laisser aller, mais, cher Alexandre, la méfiance engendre la méfiance chez les autres et finit par autoriser la fausseté, et, celle-là est la mère des vices et des crimes. Soyez donc prudent, cher Alexandre, mais non pas méfiant. Apprenez à connaître les individus, et, persuadé une

fois de leur loyauté, croyez à leur honneur et ne les blessez pas par le sentiment le plus offensant. Recherchez les vieillards, cher et bon Alexandre; un jeune homme paraît toujours plus estimable, lorsqu'il distingue l'homme à cheveux gris: il peut toujours apprendre de lui quelque chose, car il a pour lui la grande leçon de l'expérience.

Enfin, cher et bon Alexandre, redoublez d'application aux affaires, d'activité, de prévoyance, de vigilance; les circonstances sont pressantes, elles sont propres à développer un grand caractère. Réunissez au beau courage personnel que vous avez prouvé de la force d'âme, surtout de l'énergie. C'est un feu sacré, mon ami, qui doit remplir l'âme d'un Souverain, s'il veut être à la hauteur de sa destinée. Sans cette qualité, toutes les autres se perdent; elles seraient suffisantes au particulier, mais elles ne distinguent pas le Prince, qui doit avoir les vertus de son état, et l'énergie en est la première. Elle porte aux franches mesures, aux grandes actions, résiste aux revers et les change même en autant de trophées de gloire. Voilà, mon ami, mon enfant, ce que l'Etat demande de vous; répondez à cette glorieuse attente! Point d'abattement, cher Alexandre! Les circonstances du moment sont très fâcheuses, il faut l'avouer, mais il en a existé de plus fâcheuses encore du temps du règne de feu l'Impératrice, qui vit dans le même temps se réunir les fléaux de la guerre, de la rébellion et de la peste et qui, quoique sur le déclin de sa vie et peu d'années avant sa mort, vit menacer sa résidence, et sortit cependant de cette lutte sans que la gloire de son Empire ni de son règne en fût ébranlée.

Et vous, cher Alexandre, qui êtes dans cet heureux âge où l'âme et l'esprit a toute son énergie, toute sa force, et à qui la gloire de votre patrie, l'héritage de vos Pères est encore plus cher, employez pour conserver l'un et l'autre les grands moyens que vous trouverez en vous-même et les ressources que vous offrent l'amour et la fidélité de vos sujets. Captivez de plus en plus cet amour en redressant les points que votre bonté, votre conscience, votre bon esprit vous diront devoir l'être, et livrez-vous avec une nouvelle ardeur, avec une nouvelle confiance aux devoirs de votre place. Dieu sera pour vous, mes bénédictions vous accompagneront, l'amour, le bonheur de vos sujets sera votre récompense, l'estime de votre Mère, que vous m'avez répété souvent désirer comme un bien précieux à votre cœur, s'accroîtra encore pour vous, cher et bon Alexandre, et acquerra la même force que le sentiment de tendresse inexprimable que je vous porte.

Marie.

Ce 18 Avril, Mercredi, 1806.

Переводъ.

Дорогой и добрый Александръ!

Если бы я умѣла замкнуться въ своемъ счастьи, мнѣ осталось-бы лишь выразить Вамъ благодарность за нѣжность, которую Вы меня окружаете и повторять Вамъ ежедневно, что я люблю Васъ, какъ лучшаго изъ сыновей и что Ваша дружба и забота скрашиваютъ закатъ моихъ дней всею прелестью и сладостью сыновней любви. Но, дорогое дитя, эгоизмъ чуждъ моему сердцу; я хотѣла-бы видѣть алтарь любви и благодарности воздвигнутымъ въ сердцахъ всѣхъ, какъ въ моемъ, но мнѣ стоитъ большого труда сказать Вамъ, дорогой и добрый Александръ, что довольство далеко не такъ распространено, какъ это должно было-бы быть, и что отъ Васъ зависитъ его увеличить.

Дорогой Александръ, недовольство существуетъ и въ столицѣ, и въ провинціи. Частью оно основательно, частью-же мнѣ кажется несправедливымъ. Сердце вашей матери откроется Вамъ, мой дорогой и добрый Александръ, не съ суровостью упрёка, не съ смѣшной претензіей быть судьей въ предметахъ, стоящихъ выше моего знанія и пониманія, но съ полнымъ довѣріемъ, говорящее своему ребенку, своему другу.

Вотъ что мнѣ кажется плохимъ. Посмотрите, обсудите и воспользуйтесь предупрежденіями лучшаго и вѣрнѣйшаго изъ Вашихъ друзей.

Причины недовольства, дорогое дитя, дошедшія до моего свѣдѣнія, можно подраздѣлить на 4 пункта:

1. Страхъ и ожиданіе политическихъ событій.
2. Боязнь безпорядка, который возникаетъ во внутреннемъ управленіи Государства.
3. Неподобающая рознь, царящая въ Министерствѣ и
4. Личное недовольство противъ Васъ, дорогой Александръ, относительно Вашихъ обязанностей, какъ Царя.

Не будьте непростительно-несправедливы относительно Вашихъ подданныхъ, не довѣряя, что Вы любимы ими: нѣтъ, Александръ, Вы согрѣшите противъ нихъ и противъ Бога, позволивъ такой мысли укорениться въ Васъ.

Вспомните о всемъ томъ, что произошло во время Вашего отсутствія. Вспомните о приѣмѣ, который былъ Вамъ оказанъ по возвращеніи; вспомните о слезахъ, которыя Вы проливали при выраженіи любви Вашихъ подданныхъ, которыя, какъ Вы тогда хорошо выражались, заставили Васъ забыть Ваши страданія, и отбросьте эту жестокую мысль, которая охладилала-бы всякій порывъ, какой Ваше сердце должно имѣть, желая составить счастье Вашихъ подданныхъ.

Вы любимы, дорогой и добрый Александръ, Вашимъ добрымъ и превосходнымъ качествомъ воздаютъ должное; но отъ Васъ зависитъ усугубить это чувство, какъ я Вамъ это скажу въ четвертомъ пунктѣ моего письма.

Я приступлю къ 1-му изъ нихъ, т. е. къ страху и ожиданію политическихъ событій.

Послѣ несчастнаго Пресбургскаго мира горизонтъ все больше и больше омрачается. Германія потрясена, Италія всецѣло подчинилась Франціи, Голландія будетъ удѣломъ брата Бонапарта (одинъ изъ членовъ его семьи сдѣ-

дался владѣтельнымъ княземъ въ Германіи); папскому владычеству грозить переворотъ, а Далмація и Истрія, перейдя во владѣніе Франціи, служатъ мѣстомъ сосредоточенія значительной арміи, которая съ минуты на минуту можетъ угрожать намъ вторженіемъ въ Молдавію и Валахію. Австрія обезсилена и идетъ не въ счетъ, а Пруссія достаточно вѣроломна, чтобы обогатиться за счетъ державы, съ которой она была готова заключить союзъ, сама-же входитъ въ соглашеніе съ Франціей, обнаруживая такимъ образомъ намѣренія своей лукавой политики и доказавъ этимъ, что мы можемъ включить ее лишь въ число нашихъ враговъ. Турція, признавъ Бонапарта, сдѣлала первый шагъ сближенія съ Франціей и, если можно положиться на общее мнѣніе, то ея отношеніе не въ нашу пользу. Впрочемъ, нужно признать, что угрожаемая Франціей быть раздробленною или обнадеженная обѣщаніемъ независимости Крыма и надеждою на возвращеніе провинцій, завоеванныхъ покойною Императрицею, Турція, говорю я, вынуждена идти противъ насъ, движимая страхомъ и надеждой. Я полагаю, что Швеція останется вѣрна своему договору съ нами, но у нея нѣтъ средствъ. Данію, если нельзя считать другомъ, то и не нашимъ врагомъ. Англія, въ концѣ концовъ, остается единственною державою, которая борется съ Французскимъ колоссомъ, и ее мы можемъ считать солидарною съ нами въ политическихъ интересахъ, потому что ей это выгодно.

Вотъ бѣглый обзоръ состоянія Европы со времени несчастнаго Пресбургскаго договора. Подведя итогъ этихъ обстоятельствъ, у меня только одна мысль, дорогой Александръ, раскрыть Вамъ ихъ вліяніе на общественное состояніе, и такъ вотъ въ чемъ оно состоитъ. Говорятъ, политическое состояніе Россіи въ опасности, она утратила свое вліяніе и уваженіе, которымъ пользовалась. Она не въ счетъ на вѣсахъ Европы: она потеряла своихъ союзниковъ. Австрія заключила, такъ сказать, самый позорный миръ въ виду нашей арміи; Неаполь былъ оставленъ нашими войсками и подчинился Франціи; въ концѣ концовъ наши войска всюду должны были отступить; словомъ, мы были обольщены и обмануты Пруссіей и преданы Австріей. Слава нашихъ войскъ потерпѣла самое ужасное пораженіе; увѣренность въ непобѣдимости, приобрѣтенная въ царствованіе покойной Императрицы, поддерживаемая въ царствованіе покойнаго Императора Суворовымъ, разрушена, и никогда потерянное сраженіе не имѣло болѣе ужасныхъ послѣдствій.

Нашъ солдатъ уже не тотъ: онъ потерялъ вѣру въ своихъ офицеровъ и генераловъ. Духъ военный измѣнился. Словомъ, армія разстроена. И вотъ, въ такомъ положеніи вещей, Россіи угрожаетъ новая война. Франція сосредоточиваетъ значительныя силы въ пограничныхъ съ Молдавіей и Валахіей провинціяхъ; ей стоитъ сказать слово, чтобы поднять Турокъ и Пруссію противъ насъ, и Россіи прійдется противустоять соединеннымъ силамъ, Франціи, Пруссіи и Турціи; и хорошо еще, если Австрія, вынужденная бездѣйствовать, благодаря своему крайнему ослабленію, окажетъ намъ милость и не увеличитъ собою числа нашихъ враговъ. И противъ такой-то крайней опасности, чтó мы сдѣлали? Какія дѣйствительныя мѣры мы принимаемъ?

Наши войска на границѣ; прекрасно, но кто намѣчаетъ планъ дѣйствій?

Военная молодежь, окружающая Императора, ему предана и къ нему привязана; но есть-ли у нея знанія и необходимый опытъ, чтобы справиться съ работой, требующей людей посѣдѣвшихъ и испытанныхъ, рисковавшихъ своею жизнью и пользующихся довѣріемъ націи? И такъ гдѣ-же таковыя? Нѣтъ среди окружающихъ Императора ни одного, который пользовался-бы общимъ довѣріемъ.

Аустерлицкое сраженіе показало, что одной памяти не достаточно; необходимо разумный планъ дѣйствій, обдуманый со всеѣмъ хладнокровіемъ опыта, принимающаго въ расчетъ столько-же возможность успѣха, какъ и неудачи, чтобы не терять головы въ случаѣ несчастія. Еще одно проигранное сраженіе, и Имперія окажется въ опасности.

Императоръ выказалъ большую доблесть, но военное искусство требуетъ изученія въ великой школѣ опыта, а потому ему необходимо совѣтоваться съ людьми, прошедшими эту школу. Почему-же онъ себя не окружаетъ ветеранами, одни имена которыхъ прекратили-бы ропоть, разъ стало-бы извѣстно, что онъ съ ними совѣтуется, чтобы установить планъ дѣйствій, настойчиво вызываемый обстоятельствами и требующій отъ нихъ всей силы ихъ предусмотрительности, чтобы предохранить Государство отъ бѣдствій, скажемъ прямо, отъ позора? Тѣ-же опасенія занимаютъ умы касательно нашей политики. Извѣстно, что Пруссія намъ измѣнила и отъ насъ отстранилась и что мы имѣемъ союзниками лишь Англію и Швецію. Положеніе Англіи дѣлаетъ дружбу съ ней полезной только на морѣ; но, если начнется война, то мы одни будемъ вести ее на континентѣ, и, конечно, все умы съ напряженіемъ и безпокойствомъ заняты вопросомъ относительно рѣшенія принятаго нашимъ кабинетомъ.

Людская несправедливость всегда была и будетъ таковою, что только исходомъ предпріятія обуславливается одобреніе или порицаніе, и намѣреніе, вызвавшее удивленіе въ первый моментъ своего развитія, влечетъ за собою порицаніе, если успѣхъ не увѣнчиваетъ предпріятія.

Таковъ примѣръ событія прошлой осени, который, воодушевивъ многихъ, теперь почти всеѣмъ порицается, потому что нѣкоторые прибавляютъ къ неудачѣ кампаніи разсужденіе, что въ свое время они были противниками вступленія въ бой съ Франціей; другіе говорятъ, что они даже одобряли все эти благородныя намѣренія, заодно съ первыми находя, что великое и превосходное въ своей основѣ начинаніе было плохо выполнено, и что наши свѣдѣнія о состояніи державъ были ложны, и обвиняютъ Министерство въ недостаткѣ предусмотрительности и осторожности. И такъ прошлое соединяетъ всеѣхъ опасаться за будущее, не имѣя ни малѣйшаго довѣрія къ политическимъ намѣреніямъ нашего Министерства, а это отсутствіе довѣрія вызываетъ страхъ и ужасъ за будущее. Такимъ образомъ первоначальное недоувѣріе основано на недоувѣрїи къ главнымъ двигателямъ: военнымъ и въ политикѣ.

Второй предметъ безпокойства и недовольства состоитъ въ безпорядкѣ, который возникаетъ во внутреннемъ управленіи Государства. Нужно, такъ ска-

зять, вернуться къ событіямъ съ Вашего воцаренія, чтобы это обсудить. Безъ сомнѣнія административная сторона внутренней политики нашей страны была запущена въ послѣдніе годы царствованія покойной Императрицы, хотя въ то же время нельзя не замѣтить, что характеръ тогдашняго правленія, по этой части, носилъ отпечатокъ силы, энергіи и что народное сознаніе стояло гораздо выше чѣмъ теперь, но въ то же время были большія злоупотребленія. Покойный Императоръ хотѣлъ прійти на помощь, но зло скрывалось подъ обманчивой оболочкой; оно дѣлалось тайно, но продолжало существовать.

Дорогой Александръ, Вы такъ неожиданно достигли трона, въ такихъ юныхъ годахъ; хотя Отцомъ Вы и были зачислены въ Сенатъ, въ Военную Коллегію и въ Государственный Совѣтъ, но Ваши военныя занятія поглощали большую часть Вашего свободнаго времени, и Вы не могли вполне вникнуть въ состояніе Вашей Имперіи.

Ужасныя событія Вашего воцаренія поколебали, такъ сказать, самый тронъ и измѣнили общественное настроеніе, которое въ одинъ день перешло отъ страха къ распушенности, и Вы принуждены были почти цѣлый годъ покоряться обстоятельствамъ и заботиться объ успокоеніи умовъ, чтобы внести въ нихъ снова увѣренность.

И отношу время полного успокоенія къ веснѣ 1802 года, послѣ удаленія Платона Зубова.

Втеченіе 1801 года Вамъ было еще невозможно вполне познать Вашу страну и, кажется вѣроятнымъ, что только весной и лѣтомъ 1802 г. Вы смогли направить на это Ваше вниманіе. Вы организовали, осенью этого года, теперешнюю администрацію и новое Министерство. Эта организація нашла порицателей и восхвалителей. Ее осуждали, потому что она была точной копіей современной администраціи Франціи и за то, что она разрушала старыя устои и вводила новыя, затрогивая образъ правленія, введенный Петромъ I; такимъ образомъ она не нашла сторонниковъ среди лицъ привыкшихъ къ прежней формѣ правленія.

Иные ее одобряли, надѣясь найти больше порядка, меньшую расточительность, болѣе совершенное правленіе и меньшую возможность произвола; словомъ, хотѣли видѣть шагъ, отвоеванный у деспотизма.

Старики, наоборотъ, предвѣщали, что съ этимъ новымъ образомъ правленія должны возникать безпорядки. Короче, общественное мнѣніе говоритъ, что внутреннее управленіе губерній не улучшилось, что продажность стала больше чѣмъ когда-либо и что новое устройство затягиваетъ дѣла и вноситъ массу препятствій при приведеніи дѣлъ въ исполненіе. Считаютъ, что власть губернаторовъ слишкомъ ограничена и что отвѣтственность ихъ слишкомъ велика. что вслѣдствіе этого должность губернатора трудно нести и столько лицъ отъ нея отказываются.

Наконецъ, преобразованія въ нѣсколькихъ Нѣмецкихъ провинціяхъ служатъ также причиною недовольства. Находятъ, что при нынѣшнемъ образѣ правленія энергія отсутствуетъ и что правительство не пользуется должнымъ уваженіемъ, потому что ея посредники ослабили свою власть, которая внушаетъ къ нимъ больше уваженія.

Всякая новая мѣра всегда не нравится; надо, чтобы она прошла чрезъ горнило опыта, чтобы быть принятой съ удовольствіемъ и получить право на уваженіе и довѣріе. Наконецъ говорятъ, что министры еще не имѣютъ предписаній, что никто изъ нихъ не знаетъ, какъ далеко простираются его обязанности и отвѣтственность и что есть нѣкоторыя точки соприкосновенія власти, которыя имъ непонятны и что все это вредить ходу дѣлъ. Если прибавить еще одно размышленіе ко всему этому, то я могу надѣяться, дорогой Александръ, что, прочтя это, вы поймете, что я пишу не изъ желанія дать Вамъ совѣтъ, но что я искренно и просто выражаю вамъ мой образъ мыслей. Вы уже однажды установили новую форму правленія и, если вы можете-быть и поспѣшили нѣсколько, рѣшаясь на такую большую перемѣну послѣ восемнадцатилѣтняго царствованія, то было-бы непослѣдовательно ее отмѣнить: это послужило-бы къ новому источнику безпорядка. Но мнѣ кажется, что опытъ трехъ послѣдующихъ лѣтъ долженъ былъ представить вѣрныя данныя относительно слабыхъ и сильныхъ сторонъ этого правленія и тѣхъ измѣненій, которыя нужно было-бы сдѣлать, чтобы придать этому порядку вещей всю энергію, всю дѣятельность, всю силу, всю цѣльность для того, чтобы объединить все ко благу Государства и для того, чтобы намѣтить каждому границы его обязанности и отвѣтственности. Итакъ, я думаю, что безъ всякаго колебанія, даже не намекая на какую-либо перемѣну, нужно было-бы серьезно заняться составленіемъ инструкцій для каждаго министра въ отдѣльности и общую инструкцію для всѣхъ, чтобы показать ихъ взаимоотношеніе, и тогда въ эти инструкціи можно включить всѣ измѣненія, которыя нужно внести въ нынѣшнюю форму правленія. Можетъ-быть, было-бы полезно поручить людямъ, пользующимся уваженіемъ публики, но стоящимъ вдали отъ министерства, выработать программу обязанностей, требующуюся отъ каждаго министра, начертать планъ этихъ инструкцій, который слѣдовало-бы обсудить въ Вашемъ присутствіи.

Отъ этого была-бы двойная польза, а именно: во-первыхъ точно опредѣлить тѣ обязанности, выполненіе которыхъ требуется, и ч. ч. вообще правила поведения составляются съ большею легкостью и съ большею строгостью для другихъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда исполненіе этихъ правилъ затрогиваетъ насъ, а во-вторыхъ тѣ-же лица изъ самолюбія его-бы поддержали.

Присовокупивъ къ этимъ мѣрамъ строгій подборъ людей, избираемыхъ въ министерство, оказывая имъ довѣріе и поддерживая ихъ, дѣла должны будутъ подвинутыя впередъ, что заставитъ умолкнуть общественный ропотъ и поддержитъ всюду порядокъ. Я часто слышу, что въ царствованіе покойной Императрицы управленіе губерніей имѣло то преимущество, что вносило во все энергію и силу, а Императрица между тѣмъ наблюдала все время за каждымъ отдѣльнымъ лицомъ, которое она жаловала своимъ довѣріемъ и которое было отвѣтственно за свои полномочія.

Императрица ими руководила, ихъ направляла: Орловъ, Потемкинъ, Вяземскій, несмотря на весь ихъ авторитетъ, дрожали передъ нею. Она обладала такимъ искусствомъ подчинять себѣ мнѣніе публики, что когда критиковали образъ дѣйствій правленія, критикѣ подвергались министры, а не она.

Она возвышала власть каждого сословія, каждого лица, каждого вѣдомства, и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ она одна держала скипетръ въ рукѣхъ, дѣлая видъ, что раздѣляетъ свою власть съ другими. Дѣйствительно, хотя и были большія злоупотребленія, но теперь, дорогой Александръ, ни лица, ни мѣста, не вѣдомства не пользуются уваженіемъ, а между тѣмъ Ваша власть отъ этого не увеличилась и злоупотребленія не стали рѣже. Я смѣло выскажу, что нѣтъ достаточно посредниковъ между повелителемъ и поданнымъ, дѣлами и имъ самимъ: самое, такъ сказать, маленькое дѣло, отдаваемое на Ваше усмотрѣніе, дѣлаетъ министра менѣе отвѣтственнымъ, увеличивая отвѣтственность Государя.

Повелитель такой Имперіи, какъ Россія, протяженіе которой необъятно, не можетъ довольствоваться этимъ устройствомъ, выполнять обязанности, которыя онъ на себя наложилъ, вслѣдствіе чего онъ будетъ небрежно относиться къ серьезнымъ дѣламъ, тогда какъ его занятія будутъ казаться сверхъ человеческихъ силъ; нужно ограничить себя, наблюдать и направлять только крупныя мѣры гражданской администраціи, дѣлая министровъ отвѣтственными въ ихъ исполненіи.

Третій поводъ недовольства вызванъ неприличнымъ расколомъ въ министерствѣ. Вамъ самимъ небезызвѣстно, дорогой Александръ, какъ мало единенія между всѣми этими господами. Если бы взаимное удаленіе этихъ господъ относилось только къ ихъ личностямъ, Государю никогда про это и знать не нужно: онъ не можетъ и не долженъ вмѣшиваться въ частныя ссоры; но если очевидно, что эти разногласія вредятъ ходу дѣлъ, такъ какъ отдѣльныя мѣры, которыя каждый министръ принимаетъ по своей части, осуждаются другими, я спрашиваю себя, какое-же довѣріе можетъ имѣть публика къ образу дѣйствій министра, котораго порицаютъ его-же товарищи и какъ должно поколебаться общественное мнѣніе относительно мѣръ, принятыхъ правительствомъ. Если порицаніе ошибочныхъ мѣръ справедливо падаетъ на министровъ, оно въ то же время падаетъ на Государя, избравшаго этихъ министровъ и одобришаго принятія ими мѣры. Если порицаніе несправедливо, достоинство Государя требуетъ вмѣшательства его власти, чтобы его прекратить и требовать отъ министровъ уважать достоинство своего товарища во всемъ, что касается его должности, гдѣ онъ говоритъ и дѣйствуетъ только отъ имени самого Государя, одобришаго его образъ дѣйствій: пока утвержденія Государя не послѣдовало, обсужденіе должно быть дозволено, какъ министрамъ между собою, если дѣла одного имѣютъ связь съ дѣлами другого, такъ и каждому министру предъ самимъ Государемъ. Онъ долженъ смѣло говорить ему всю правду и ревностно стремиться доказать свою правоту; но разъ что-нибудь Государемъ утверждено, и если это даже идетъ въ разрѣзъ съ мнѣніемъ министра, этотъ послѣдній изъ чувства долга обязанъ его поддерживать и не позволять его критиковать публикѣ.

Вотъ въ чемъ состоитъ долгъ честнаго человѣка, занимающаго постъ; онъ обязанъ поддерживать въ публикѣ уваженіе къ Государю; если-же онъ считаетъ, что его взгляды и образъ мыслей не согласны съ Государемъ, онъ долженъ подать въ отставку. Единодушіе въ министерствѣ необходимо, чтобы

придать силы и энергіи Государству. Отсутствіе единокудія губить Государство и уничтожаетъ довѣріе общества. Вамъ, конечно, не безызвѣстно, дорогой и добрый другъ, что почти все Ваше теперешнее министерство наслаждается этимъ разногласіемъ. Мнѣ и не пристало, да я себѣ и не позволю рѣшать, есть-ли это недоувѣріе или нѣтъ, но достовѣрно извѣстно, что въ большей или меньшей степени оно существуетъ. Кого больше всего ненавидятъ въ обществѣ, это князя Чарторыйскаго. Двѣ причины возбуждаютъ эту ненависть: во-первыхъ— онъ Полякъ, во-вторыхъ— несчастныя событія прошлой осени. Если я дольше на этомъ останавливаюсь, дорогой Александръ, такъ это оттого, что я обязана по отношенію къ себѣ и къ Вамъ подробно въ этомъ разобраться.

Вспомните мое глубокое огорченіе при назначеніи князя Чарторыйскаго въ министерство, всѣ мои доводы и предсказанія о послѣдствіяхъ этого назначенія. Вспомните, какъ я Вамъ писала и говорила, что по моему мнѣнію князь Чарторыйскій показалъ себя не деликатнымъ и нерасположеннымъ къ Вамъ, соглашаясь на это назначеніе. Несмотря на это, Вы назначили князя въ министерство: отношенія съ Франціей испортились, канцлеръ подалъ въ отставку, и князь остался одинокъ въ этихъ сложныхъ обстоятельствахъ.

Наконецъ событія разрѣшились: Вы уѣхали. Вашъ планъ дѣйствій развернулся такъ широко, такъ величественно, что онъ вызвалъ надежду и уваженіе, породилъ восхищеніе къ Вамъ, даже въ Москвѣ.

Обстоятельства перемѣнились, судьба намъ измѣнила; грянули бѣдствія, и мнѣніе рѣзко высказалось противъ князя Чарторыйскаго.

Я сознаю Вамъ, дорогой Александръ, что проникнутая уваженіемъ къ Вашимъ великимъ и великодушнымъ идеямъ, оплакивая наши несчастія, я предвидѣла, едва они начались, всѣ послѣдствія, которыя простекуть, я себѣ сказала, что недовольство княземъ Чарторыйскимъ проявится: я сознавала, что въ то-же время это было порицаніемъ Вашихъ поступковъ и въ день извѣстія о сраженіи, мнѣ казалось, что Ваше достоинство требовало въ этомъ случаѣ, чтобы Вы поддержали Вашего министра. Ваша честь требовала того, чтобы Вы не допустили его стать жертвой общественнаго мнѣнія, которое, получивъ силу, стало-бы диктовать и Вамъ законы.

Вспомните все то, что я Вамъ говорила на слѣдующій день Вашего приѣзда. Вы мнѣ рассказали, что князь былъ противъ того, чтобы дать сраженіе, но несмотря на это, онъ подвергался всѣмъ опасностямъ и служилъ Вамъ въ самый разгаръ боя; послѣ этого самопожертвованія я больше не сомнѣваюсь въ привязанности князя къ Вамъ и никогда этого не забуду.

Этотъ серьезный вопросъ, соединенный съ глубокой увѣренностью, что для Васъ было важно при этихъ трудныхъ обстоятельствахъ показать твердость характера при поддержкѣ Вашего министра, побудилъ меня высказать Вамъ относительно этого мое мнѣніе, которое такъ совпадаетъ съ Вашимъ. Четыре съ половиной мѣсяца отдѣляютъ насъ отъ этого времени, а недовольство княземъ не улеглось; напротивъ, нужно сознаться, что съ теченіемъ времени ропотъ усилился, и приходится ожидать новыхъ событій.

Теперь, дорогой Александръ. Вамъ надлежитъ рѣшить, насколько Вы можете довѣрять князю Чарторыйскому и его знаніямъ. Если въ Вашихъ интересахъ оставить его бороться съ такимъ враждебнымъ отношеніемъ, то надо его поддержать; если-же Вы не вполне ему довѣряете, то для пользы Государства надо согласиться на его отставку, которую онъ у Васъ просилъ не разъ, какъ Вы мнѣ сами это говорили.

Прежде чѣмъ приступить къ четвертому поводу причинъ недовольства Вами, дорогой и добрый Александръ, я остановлюсь на трогательномъ размышленіи о добротѣ Вашего сердца, Вашей любви къ правдѣ и искреннемъ желаніи видѣть всѣхъ Вашихъ подданныхъ счастливыми и на Вашемъ полномъ самоотверженіи, когда дѣло касается добраго поступка.

Повѣрьте мнѣ, дорогое дитя, всѣ эти превосходныя качества въ Васъ признаютъ, любятъ и уважаютъ. Представленіе о добротѣ отождествляется съ Вашей личностью: каждый Вашъ подданный въ этомъ убѣжденъ, и до сихъ поръ Вы вполне пользуетесь ихъ любовью; нужно заслужить ихъ довѣріе въ Вашихъ административныхъ принципахъ и возвысить въ ихъ глазахъ Ваше достоинство, какъ Императора.

Двадцати трехъ лѣтъ Вы вошли на престоль; этотъ періодъ жизни вызываетъ любовь, интересъ и нѣжность, уваженіе-же достигается съ годами, въ особенности, когда нѣтъ обаянія величія, какъ у Васъ, дорогой Александръ.

Вы его уничтожили, расходясь въ этомъ отношеніи всецѣло во взглядахъ съ Вашей Бабкой, хотѣвшей вызвать въ обществѣ еще больше уваженія къ себѣ, окружая Васъ и даже младшую Вашу сестру ореоломъ величія; Вы-же наоборотъ съ самаго восшествія на престоль уничтожили весь блескъ, который въ глазахъ престоляродья возвышалъ-бы Васъ, Вы-же во многомъ снизили до другихъ.

Мало по малу, дорогой Александръ, это отразилось на общественномъ мнѣніи: привыкли смотрѣть на Государи, какъ на обыкновеннаго смертнаго, и его положеніе отъ этого теряетъ тѣмъ болѣе, что нѣтъ возможности показать простолюдину, что если въ обыкновенные дни и отброшенъ виѣшній видъ величія, онъ всетаки сохраняется въ торжественныхъ случаяхъ, когда Его Величество появляется во всемъ своемъ блескѣ: всего этого, говорю я, больше не существуетъ.

Ваши появленія въ обществѣ утратили свой блескъ, пріемные дни при дворѣ отмѣнены, кромѣ Воскресенья: никто даже не носитъ орденовъ, и они потеряли свое значеніе. Дни большихъ праздниковъ похожи на воскресные дни при покойной Императрицѣ.

Въ простыя Воскресенья дворъ пусть, сановники его больше не посѣщаютъ, и народъ узнаетъ о томъ, что Государъ съ семьей въ церкви, только по тому, что сановники прогуливаются по улицѣ. Видъ площади безъ экипажей ему говоритъ, что общество не посѣщаетъ двора; является сравненіе, невыгодное для Императора, пч.-это доказываетъ меньшее желаніе общества его видѣть и уменьшеніе вѣры среди сановниковъ, которые уклоняются отъ исполненія религиозныхъ обязанностей. Эти разсужденія уменьшаютъ уваженіе къ

Государю и сановникамъ и можетъ-быть имѣютъ даже пагубное вліяніе на религиозное чувство народа, который съ нихъ все перенимаетъ. Мы сами не знаемъ двора; отдѣльныя лица, которыя его составляютъ, появляются не иначе, какъ во время обѣдни и то не совсѣмъ аккуратно: итакъ есть лица, которыя остаются навсегда намъ неизвѣстными, тогда какъ при покойной Императрицѣ, они держались такъ, что ихъ можно было узнать и составить о нихъ мнѣніе. Вечерніе рауты, такъ любимыя обществомъ, потому что только на этихъ собраніяхъ, длившихся не болѣе полутора часовъ, всѣ могли видѣть царскую семью, окруженную сановниками, придворными и иностранцами, теперь-же собранія эти или вовсе упразднены или бывають такъ рѣдко, что забываютъ объ ихъ существованіи; наконецъ, все это сказочное величіе, внушавшее обществу уваженіе, больше не существуетъ. Прибавьте ко всему этому, что Государь не расточаетъ похвалы ни сановникамъ ни обществу, орденовъ Вы сами не раздаете, и къ нимъ относятся съ меньшимъ уваженіемъ и придаютъ имъ меньшую цѣнность, хотя можетъ быть еще ихъ и желаютъ получить; награды и сравнить нельзя съ широкой щедростію покойныхъ Императрицы и Императора; такимъ образомъ, дорогой Александръ, Вы можете лишь силою Вашей добродѣтели и Вашихъ возвышенныхъ и прекрасныхъ достоинствъ пріобрѣсти любовь и уваженіе, которыми пользовались вѣнценосцы, извлекая изъ своего положенія всевозможныя выгоды. Какъ частныя лица, мы живемъ зажиточно и богато, но не такъ, какъ надлежитъ вѣнценосцамъ, даже министры у Васъ рѣдко появляются за столомъ; публика, дорогой Александръ, внимательная ко всему, не сдерживаемая никакимъ виѣшнимъ блескомъ величія, который заставилъ-бы ее молчать, занимая ее, лишенная этой узды, становится строгимъ судьей, и не видя уже Государя въ ореолѣ славы, критикуетъ вольно, начиная съ того, что порицаетъ его за то, что онъ такимъ образомъ самъ себя заключилъ въ тюрьму и не достаточно уважалъ и почиталъ свое достоинство.

Вспомните, дорогой Александръ, мои предсказанія по этому поводу съ момента Вашего восшествія на престолъ: Вы мнѣ тогда не вѣрили, когда я Вамъ говорила, какое впечатлѣніе онъ произведетъ на общественное мнѣніе. Къ несчастью я не ошиблась и въ этотъ моментъ, когда все пересушивается и критикуется, я осмѣливаюсь Вамъ снова объ этомъ напомнить, единственно желая обратить Ваше вниманіе на это. Если-бы всѣ думали просвѣщенно, престижъ власти былъ-бы ненуженъ, но въ данномъ случаѣ онъ дѣлается необходимъ. Во-первыхъ, понятно, что человѣкъ желаетъ уважать того, кому онъ повинется, такъ какъ это льститъ его самолюбію.

Вамъ ставятъ въ вину, дорогой Александръ, что Вы недостаточно уважаете и цѣните Ваше положеніе Императора, что Вы отбросили все наружное величіе: порицають фамильярность, съ которою молодые люди къ Вамъ относятся, зная, что Вы это позволяете, между тѣмъ какъ Вы насмѣхаетесь надъ пожилымъ человѣкомъ, когда онъ относится къ Вамъ съ уваженіемъ, привыкши раньше такъ относиться къ своимъ повелителямъ.

Большое уединеніе, въ которомъ Вы живете, неприятно. Васъ считаютъ лѣнливымъ, дорогой и добрый Александръ, и желали-бы Васъ видѣть болѣе

дѣятельнымъ; между тѣмъ знаютъ, что Вы много времени проводите за работою, но говорятъ, что Вы часто занимаетесь мелочами, которыя до Васъ не касаются, но которыя отнимаютъ у Васъ много времени.

Между прочимъ, я Вамъ признаюсь, что находятъ, что Вы напрасно отпускаете къ себѣ каждаго рекрута и что эта подробность недостойна Васъ.

Вообще Вами недовольны (и, по моему мнѣнію, дорогой Александръ, этотъ упрекъ заслуживаетъ вниманія); чрезвычайныя затрудненія, которыя теперь вводятъ при выборѣ рекрутовъ какъ-то: ростъ, возрастъ и здоровье, являются важными пунктами, установленными закономъ, которые должны быть строго выполнены; слышатся жалобы, что при соблюденіи этихъ правилъ часто являются споры изъ-за сложенія и наружности и что часто смѣняютъ или совсѣмъ отсылаютъ рекрутовъ, когда они должны были-бы быть приняты, а это вызываетъ раздраженіе. Съ грустью видятъ, что Вы отдаете слишкомъ много времени мелкимъ ежедневнымъ упражненіямъ, которыми должны заниматься субалтерные офицеры, а не самъ Государь. Прицаютъ неправильное распределеніе часовъ Вашихъ занятій. Министры ждутъ Васъ цѣлыми часами, ничего не дѣлая, въ прихожей, между тѣмъ много людей, занятыхъ дѣлами не терпящими отлагательства, въ свою очередь ждутъ ихъ у нихъ въ пріемной и такимъ образомъ небрежно относятся къ обязанностямъ занимаемыхъ ими должностей. Наконецъ, дорогой Александръ, думаютъ, что Вы имѣете склонность къ недовѣрію и что Вы его обыкновенно простираете на всѣхъ окружающихъ: это большой недостатокъ, мой другъ, на который я Васъ убѣдительно прошу обратить вниманіе.

Я знаю, что Вы, пріобрѣтая съ каждымъ днемъ все больше и больше опытности, вправѣ быть недовѣрчивымъ; но, дорогой Александръ, недовѣріе порождаетъ недовѣріе у другихъ и кончается тѣмъ, что развивается фальшь, которая есть мать пороковъ и преступленій. Итакъ будьте осторожны, дорогой Александръ, но недовѣрчивы. Старайтесь распознать людей и, разъ Вы убѣдитесь въ ихъ честности, вѣрьте имъ и не оскорбляйте ихъ самымъ обиднымъ чувствомъ.

Сближайтесь съ стариками, дорогой и добрый Александръ: молодой человекъ всегда внушаетъ къ себѣ больше уваженія, если онъ отличаетъ человека убѣленного сѣдинами, онъ всегда отъ него можетъ чему-нибудь научиться, потому что за старикомъ стоитъ большая школа опыта.

Наконецъ, дорогой и добрый Александръ, удвойте Ваше вниманіе къ дѣламъ, Вашу дѣятельность, предусмотрительность и бдительность; обстоятельства не терпятъ отлагательства, онѣ способствуютъ развитію большого характера. Соедините съ мужествомъ, которое Вы доказали, силу души и, въ особенности, энергію. Это священный огонь, мой другъ, который долженъ наполнять душу Монарха, если онъ хочетъ оставаться на высотѣ своего призванія. Безъ этого качества всѣ другія ступшеваются. Частному лицу ихъ было-бы достаточно, но для принца крови этого мало: онъ долженъ имѣть добродѣтели своего государства, а первую изъ нихъ является энергія, она спо-

собствуетъ открытости, великимъ дѣламъ, противится превратностямъ судьбы и превращаетъ ихъ даже въ побѣду.

Вотъ, мой другъ, мое дитя, чего требуетъ отъ Васъ государство. Оправдайте это ожиданіе. Не падайте духомъ, дорогой Александръ. Настоящія событія очень печальны, въ этомъ нельзя не сознаться; но онѣ бывали и хуже въ царствованіе покойной Императрицы, при которой въ одно и тоже время сплелись: война, мятежь и упадокъ, и несмотря на то, что резиденціи угрожала опасность, въ то время, какъ она уже была на склонѣ дней и даже не задолго до ея смерти, она вышла побѣдительницей изъ этой борьбы. Слава ея Имперіи и ея царствованія остались непоколебимы.

А Вы, дорогой Александръ, еще находитесь въ томъ счастливомъ возрастѣ, когда душа и умъ исполнены энергіи и силы, и Вамъ еще дороги слава отчизны и наслѣдіе отцовъ; употребите всѣ Ваши способности и силы, которыя Вы черпаете въ любви и преданности своихъ подданныхъ, чтобы сохранить и то и другое. Укрѣпите эту любовь, обративъ вниманіе на тѣ стороны Вашего характера, которыя будутъ Вамъ подсказаны Вашей добротой, Вашей совѣстью и Вашимъ здравымъ смысломъ, и отдайтесь съ новымъ жаромъ и съ новой довѣрчивостью обязанностямъ Вашего сана. Богъ будетъ за Васъ! Да будетъ на Васъ мое благословеніе. Любовь и счастье Вашихъ подданныхъ послужатъ Вамъ наградою. Уваженіе Вашей матери, которое, какъ Вы мнѣ часто говорили, является для Вашего сердца драгоценнымъ даромъ, возрастетъ еще, дорогой и добрый Александръ, и приобрѣтетъ такую-же силу, какъ-то чувство невыразимой нѣжности, которое я Вамъ приношу.

Марія.

Среда, 18 Апрѣля 1806 года.

II.

Ce Jeudi soir, 14 Mars 1807.

Conseil de la plus tendre des Mères à son fils bien-aimé.

Vous partez, cher Alexandre. Cette pensée déchirante occupe seule mon cœur, et le remplit de crainte, de sollicitude et d'angoisse. Tous vos derniers moments sont pris, à peine vous verrai-je et je ne pourrai plus vous parler d'abandon et d'effusion. Cependant je sens que j'ai mille choses à vous dire, milles craintes à vous exprimer: la plus tendre sollicitude maternelle, le sentiment impérieux de ma tendresse pour vous, de mon amour pour votre gloire, me dictent quelques conseils que je soumets à votre bon cœur. à votre bon esprit. Je croirai vous parler en vous écrivant, et je ne m'arrêterai que sur les points qui me paraissent importants.

Votre départ du moment est une démarche des plus conséquentes pour l'Etat et pour vous, cher Alexandre: pour l'Etat, parce qu'il voit son Souverain quitter sa patrie, s'exposer à la lutte la plus dangereuse, risquer ses jours si précieux, si nécessaires à l'Etat. parce

que sa conservation y est attachée et qu'il croule s'il vous arrive malheur. L'Etat voit encore dans ce départ une stagnation totale dans les affaires, car comment est-il possible et peut-on s'attendre que les fatigues, les occupations immenses de l'armée même puissent vous laisser le temps de penser à d'autres affaires? Il y voit en outre l'impossibilité pour vous de veiller de là sur les événements de la guerre de Turquie, qui, quoique d'un intérêt inférieur que celle avec les Français, n'en est cependant pas moins inquiétante pour nous; l'Etat enfin tremble pour la gloire, parce qu'heureusement chez nous encore la gloire personnelle du Souverain est identifiée avec la sienne, et si l'Etat se trouve assez robuste d'avoir assez d'énergie pour supporter un échec lorsque la personne de son Souverain ne le partage pas, il perd son caractère de force, son imperturbabilité, lorsque l'Empereur partage l'échec et le légitime par sa présence. L'Etat sait que le chef de votre armée, dans votre absence, est responsable de sa tête du sort de l'armée, mais qu'il perd hautement cette responsabilité lorsque, par votre présence, tous les ordres sont légitimés et sanctionnés. Je sens, cher Alexandre, que votre intention est de laisser agir Mr. de Bennigsen; mais est-il dans la possibilité de concevoir que l'Empereur à l'armée n'énonce pas un avis, et de même est-il à prétendre que cet avis prononcé ne soit pas suivi et respecté par le chef, fût-il même en opposition au sien? C'est vouloir se contenter d'illusions que de supposer le contraire, et, comme elles sont cruellement dangereuses en affaires, persuadez-vous, mon ami, que dès votre arrivée votre Etat et l'Europe entière croira l'opinion de Mr. de Bennigsen et ses plans d'opération dirigés par vous: par conséquent l'immense responsabilité tombe sur vous, et la sienne devient sinon nulle, du moins bien allégée. L'Etat enfin sera d'autant plus porté alors à excuser Mr. de Bennigsen que chaque individu sent le périlleux, je dirai le cruel de sa position, lorsqu'il a à répondre de votre sûreté personnelle, et, dès ce moment, il faut se l'avouer, il lui sera impossible (à lui plus qu'à tout autre chef) de ne pas sacrifier des avantages réels qu'il aurait pu obtenir à la crainte d'exposer vos jours, et la nation, qui ne peut que louer ce motif dans la personne de Bennigsen, se tournera en reproche contre vous, de le forcer par votre présence à négliger ses avantages.

Voilà le tableau fidèle des alarmes sur ce point. Qu'en conclure? Voici mes réflexions. Votre départ est arrêté et annoncé, il n'y a plus à en revenir, mais il faut et faire le voyage et en tirer la plus grande utilité, et en écarter tout le dangereux. Rendez-vous donc à l'armée, examinez avec la justice, l'équité qui est dans votre âme, son état, ses besoins, soyez l'ange consolateur des souffrants, récompensez les services rendus, distinguez ceux qui vous seront recommandés par le chef, animez toute votre

belle et brave troupe en lui montrant cette bonté qui remplit votre cœur, ne soyez pas (permettez-moi d'oser vous le dire) sévère pour les petits détails, qui peuvent être mis de côté par une armée exposée aux fatigues plus qu'humaines qu'elle a supportées: laissez le soin aux officiers subalternes de les corriger, et vous-même n'en parlez qu'à la légère au chef même, mais non aux autres généraux. Concertez et arrêtez le plan d'opération avec le chef, et, après avoir ainsi vivifié par votre présence votre armée, quittez-la et retournez chez nous, pour reprendre vos travaux importants ici, qui embrassent tous les détails de la marche de l'Empire. Vous surveillerez d'ici les opérations des deux armées, vous leurs préparerez de nouveaux renforts, de nouvelles ressources, et, si même alors nous essayons un échec, il ne sera que partiel et n'influera pas sur la marche totale des opérations. Votre éloignement de l'armée et votre séjour ici aura encore la grande utilité que, si même les circonstances forçaient à des négociations, toute résolution prise ici, dans votre résidence, porterait le cachet de la réflexion, du calme et de la mûre délibération, qui rassurerait les esprits. tandis que toute négociation traitée à l'armée. hors de votre pays et éloigné de votre Conseil, aurait plus ou moins un caractère de précipitation et n'inspirerait à la nation que la défiance d'une fausse mesure. En voilà assez, je crois, sur ce point pour prouver combien votre prompt retour est nécessaire au bonheur de votre Empire.

Je passe, cher Alexandre, au second point sur lequel je vous conjure de m'écouter, et qui a pour objet l'idée de la conduite que vous aurez à tenir à l'armée et qui, à ce que je suppose, vous y ferait adorer. Il faut vous dire, cher et bon Ami, que, dès l'instant de votre arrivée à l'armée, vous devez vous envisager (pardonnez moi la comparaison) comme un acteur qui monte sur la scène; vous avez pour public et pour juge votre nation entière et toute l'Europe; chacune de vos actions, de vos paroles, de vos gestes sera observée, épiloguée et jugée, et l'opinion générale sur vous se fondera en raison des conclusions qu'on tirera. Jugez donc combien il est important, pour vous, pour votre gloire, de donner à chacune de vos actions, de vos démarches, le caractère de la véritable grandeur. Commencez, cher Alexandre, par vous respecter vous-même en respectant le choix que vous avez fait du chef de votre armée. Vous savez qu'il a existé des cabales et des intrigues à l'armée; je les crois étouffées pour le moment. mais soyez assuré qu'un mot de votre part dit inconsidérément les réveillerait avec plus d'ardeur. et alors la chose publique est perdue. Voyez par vos yeux, et si effectivement vous observez que les démarches. la façon de voir ou d'agir du chef demandent à être rectifiées, expliquez-vous-en

directement avec lui, sans l'intervention d'un tiers. Vous écouterez ses raisons, vous les jugerez avec la droiture naturelle de votre cœur et vous lui direz ce que vous voulez voir changer. Cette façon d'agir ne blesse pas, et n'envenime pas les affaires, mais tout autre leur est nuisible. Au nom de Dieu, cher Alexandre, observez strictement de distinguer particulièrement les généraux de l'armée d'après les recommandations que vous en fera le chef; cette prudence de votre part sera d'un bien réel à la subordination et vous met à l'abri des reproches, car vous devez en croire celui qui les a vu agir sur le champ de bataille. Que votre bonté vis-à-vis de ceux que vous honorez publiquement de votre bienveillance soit sans aucune familiarité, qu'il faut éviter come un mal réel: à votre place, cher Alexandre, et dans la situation où vous vous trouverez, il faut que la nuance que vous observerez dans vos bontés vis-à-vis d'un grison qui s'est distingué et d'un jeune homme qui en a fait de même soit marquée, car si vous mettez de l'égalité dans ces témoignages, l'homme âgé ne se sentira plus flatté et son zèle s'attiedira. Soyez bon et affable avec la troupe; un mot de bonté dit à propos enflamme le courage. De grâce, ne soyez pas exigeant sur les petits détails qui s'observent en garnison, mais qui fatiguent le soldat et le dégoûtent. Enfin, cher Alexandre, comme vous dites ne vouloir nullement commander, vous serez heureusement dans le cas d'éviter l'obligation de punir, soin qu'il faut laisser uniquement à Bennigsen, et vous, cher Alexandre, vous aurez la jouissance de récompenser, et même de pardonner à propos. Il est bien essentiel encore pour vous, cher Alexandre, de ne laisser entrevoir aucune prédilection pour les soldats, officiers et généraux prussiens; s'ils font leur devoir, tant mieux pour leur honneur, tant mieux pour la cause commune. mais, mon bon Ami, vous vous aliéneriez tous les cœurs, si on peut apercevoir ou se douter (et notre nation a bien du tact) que vous puissiez préférer leur troupe et officiers aux vôtres; ce serait mortifier l'amour-propre national, et, cher Alexandre, cela ne se pardonne pas. Pour éviter la possibilité d'un pareil jugement, il faudrait absolument s'interdire toute comparaison entre les deux troupes. Il me reste encore. en traitant ce point, à fixer toute votre attention sur les devoirs que vous impose votre conservation, cher et bien-aimé Alexandre. Malheureusement vous avez été dans le cas, par des circonstances funestes, à faire preuve de bravoure personnelle: votre nation le sait, et, en rendant justice à votre courage, vous blâme cruellement d'avoir mis en jeu son salut en exposant votre personne, cher Alexandre. Vos devoirs de Souverain vous défendent impérieusement la récidive. Vous vous rendrez criminel vis-à-vis de l'Etat, vis-à-vis de votre famille, de votre Mère, en y manquant. N'augmentez pas la masse d'inquiétude qui opprime

mon cœur par cette crainte cruelle, et promettez-moi saintement de veiller à votre conservation.

Enfin finalement je viens au troisième point sur lequel je voulais vous parler. celui des relations politiques. eu égard, s'entend, à votre séjour à l'armée. Vous vous douterez que je veux parler de la Prusse, cher Alexandre. Je ne puis me lasser de vous répéter que l'attachement de votre Grand-Père à la Cour de Berlin a causé sa perte, celui de votre Père pour cette même Cour lui à été bien funeste. et le vôtre. cher Alexandre, l'a été suffisamment jusqu'à ce moment. Je ne vais pas récapituler ces torts passés de la Cour de Berlin vis-à-vis de nous, mais je me bornerai à vous conjurer de donner toute votre attention à ce qu'on ne puisse vous accuser de lui sacrifier les intérêts et la gloire de votre pays. Il est certain que vous avez repris les armes pour aider et finalement pour sauver la Prusse, mais il n'en est pas moins vrai non plus que, par cette série de circonstances. nous avons vu nos frontières menacées, et que vous avez été obligé de demander à votre nation des secours considérables et inconnus jusqu'à ce moment dans les annales de la Russie. Vous avez mis, pour ainsi dire, la sonde dans le cœur de vos sujets, et jamais la nation n'a déployé un plus beau ni un plus grand caractère. L'esprit public s'est prononcé de la manière la plus touchante et satisfaisante pour vous, cher Alexandre; tirez-en la conclusion que la Russie est attachée à sa gloire, à son influence, à sa grandeur, qu'elle fait tous les sacrifices lorsqu'elle les croit nécessaires à la conservation de ces biens, qui sont chers à son amour-propre. Mais en même temps cette guerre a pris un autre caractère. Ces efforts se sont fait volontiers pour défendre nos foyers et sauver notre gloire: le rétablissement de la Prusse n'est plus que secondaire à la chose; ainsi on s'attend à voir la paix se négocier sur ce principe, c'est-à-dire, on la désire basée sur des principes avantageux, glorieux, honorables pour nous-mêmes, et on n'envisagera le rétablissement de la Prusse que comme un avantage secondaire. Voilà, cher et bon Alexandre, l'idée que je me fais (et je ne crois pas me tromper) de l'attente générale. Il faut donc que, dans votre marche politique. vous persuadiez la nation que vous n'agissez que pour sa gloire et son repos, que l'influence prussienne n'existe pas et que vous ne lui accordez, pour ainsi dire, que protection et soutien, que vous ferez la paix non pas quand la Prusse le voudra, mais lorsque vous le voudrez et le croirez glorieux et nécessaire à votre Etat. Voilà, mon bon Ami, croyez-en l'expérience et le cœur de votre Mère, un point essentiel à observer, pour vous éviter les justes reproches de vos contemporains et de la postérité. Cette considération. je vous l'avoue, me fait émettre un vœu sur lequel je vous conjure de réfléchir.

Si effectivement des négociations s'entamaient pendant votre séjour à l'armée, je croirai essentiel d'appeler près de vous quelques uns de vos ministres du Conseil pour en concerter avec eux, et inspirer à la nation de la confiance dans ces négociations. Si vous négligez cette précaution, cher Alexandre, les suites seront des plus fâcheuses, et rien ne vous préservera du reproche de l'influence de la Cour de Berlin. Voilà, mon bon Ami, ce que je couche ce soir en hâte sur le papier: j'espérai vous parler, mais vos occupations m'ont privées de cette satisfaction, je vous écris donc, et puisse le sentiment de tendresse qui m'a dicté ces réflexions vous engager à les scruter et à y prêter attention.

Переводъ.

II.

Четвергъ, 14 Марта 1807 г. Вечеръ.

Совѣтъ нѣжнѣйшей изъ матерей
своему возлюбленному сыну.

Вы уѣзжаете, дорогой Александръ, одна эта терзающая мысль занимает мое сердце и наполняетъ его страхомъ, заботой и тоской. Всѣ Ваши минуты разобраны до послѣдней, я едва Васъ увижу и мнѣ не удастся болѣе говорить съ Вами, свободно и сердечно. Однако я чувствую, что мнѣ надо сказать Вамъ тысячу вещей, выразить тысячу опасеній; самая нѣжная материнская заботливость, властное чувство моей нѣжности къ Вамъ, моей любви къ Вашей славѣ, диктуютъ мнѣ нѣсколько совѣтовъ, которые я отдаю на судъ Вашего добраго сердца и здравого ума. Когда я буду писать Вамъ, я буду думать, что говорю съ Вами, и я буду останавливаться только на тѣхъ вопросахъ, которые покажутся мнѣ важными.

Вашъ настоящій отъѣздъ является значительнымъ поступкомъ для государства и для Васъ, дорогой Александръ. Для государства, потому что оно видитъ своего Монарха, покидающаго отечество, подвергающагося опаснѣйшей борьбѣ, рискующаго своей драгоценной жизнью, столь необходимой государству, потому что съ нею связана его безопасность, и оно погибнетъ, если съ Вами случится несчастье. Государство видитъ еще въ этомъ отъѣздѣ полный застой въ дѣлахъ, такъ какъ развѣ можно ожидать, что усталость и несмѣтныя занятія въ арміи оставятъ Вамъ время думать о другихъ дѣлахъ? Кромѣ того, оно въ немъ видитъ полную невозможность для Васъ слѣдить за событіями Турецкой войны, которая хотя и менѣе интересна, чѣмъ война съ Французами, но не менѣе безпокойна для насъ. Наконецъ, государство трепещетъ за славу, потому что у насъ еще, къ счастью, личная слава Монарха тождественна со славою государства. Если государство имѣетъ достаточно силы и энергіи, чтобы вынести поражение, когда Монархъ не раздѣляетъ его, оно теряетъ свою силу и самообладаніе, если Императоръ раздѣляетъ поражение и оправдываетъ его своимъ присутствіемъ. Государство знаетъ, что въ Ваше отсутствіе главнокомандующій отвѣчаетъ своей головой за судьбу арміи, но что онъ окончательно

теряеть эту отвѣтственность, когда всѣ приказанія признаны законными и утверждены Вашимъ присутствіемъ.

Я чувствую, дорогой Александръ, что Вы имѣете намѣреніе предоставить власть Бенигсену; но понимаетъ-ли онъ, что Императоръ не высказываетъ своего мнѣнія касательно арміи, а также находитъ-ли онъ, что разъ это мнѣніе высказано, то оно должно быть выполнено главнокомандующимъ даже тогда, когда оно идетъ въ разрѣзъ съ его взглядами? Предполагать обратное—значить довольствоваться иллюзіями, а такъ какъ онъ очень опасенъ въ дѣлахъ, то будьте увѣрены, мой другъ, что съ момента Вашего пріѣзда, Ваше государство и вся Европа будутъ думать, что Вы руководите намѣреніями Бенигсена и его планами дѣйствій; такимъ образомъ, огромная отвѣтственность падаетъ на Васъ, его же дѣлается, если не совсѣмъ ничтожной, то во всякомъ случаѣ, очень облегченной. Государство тогда будетъ тѣмъ болѣе склонно извинять Бенигсена, что всякій чувствуетъ опасность, я скажу даже безвыходность положенія, когда онъ является отвѣтственнымъ за Вашу личную безопасность, и съ этого момента, въ этомъ надо сознаться, ему будетъ невозможно (ему болѣе, чѣмъ всякому другому начальнику) не пожертвовать дѣйствительными выгодами, которыя онъ могъ бы получить, изъ страха подвергнуть опасности Вашу жизнь, и нація, которая можетъ только похвалить за это Бенигсена, упрекнетъ Васъ въ томъ, что Вы заставляете его черезъ свое присутствіе пренебрегать ея выгодами.

Вотъ истинная картина опасеній по этому поводу. Какое заключеніе можно вывести изъ всего этого? Вотъ мои размышленія. Вашъ отъѣздъ рѣшенъ и объявленъ, объ этомъ нечего больше говорить; но въ такомъ случаѣ надо сдѣлать такъ, чтобы совершить путешествіе, извлечь изъ него наибольшую пользу и отстранить отъ него всякую опасность. Поѣзжайте же въ армію, разсмотрите съ справедливостью, съ правосудіемъ, которое есть въ Вашей душѣ, ея состояніе, ея нужды, будьте Ангеломъ, утѣшителемъ страдающихъ, награждайте за оказанныя услуги, отличайте тѣхъ, которое будутъ Вамъ представлены начальникомъ, воодушевляйте все Ваше прекрасное и храброе войско, показывая ему ту доброту, какая наполняетъ Ваше сердце, не будьте (позвольте мнѣ это Вамъ сказать) строги за ничтожные проступки къ арміи, перенесите сверхъ-человѣческія утомленія; предоставьте младшимъ офицерамъ исправлять эти провинности, а Вы сами не придавайте имъ большого значенія, говоря съ главнокомандующимъ и не упоминайте о нихъ новсе въ разборѣ съ другими генералами.

Согласитесь и условьтесь на счетъ плана дѣйствій съ главнокомандующимъ и, ожививъ своимъ присутствіемъ армію, оставьте ее и вернитесь къ намъ, чтобы приняться за серьезныя дѣла, которыя обнимаютъ собою весь ходъ Имперіи. Вы будете слѣдить отсюда за дѣйствіями обѣихъ армій, Вы приготовите имъ новыя подкрѣпленія, новыя средства, и, если даже тогда мы потерпимъ пораженіе, оно будетъ частное и не повліяетъ на общій ходъ дѣлъ. Вашъ отъѣздъ изъ арміи и Ваше пребываніе здѣсь будутъ полезны еще въ томъ случаѣ, если обстоятельства вынудятъ къ переговорамъ. Всякое рѣшеніе,

принятое здѣсь, въ Вашей резиденціи, будетъ носить отпечатокъ размышленія, спокойствія и зрѣлаго обсужденія, которое успокоитъ умы, тогда какъ всякіе переговоры изъ арміи, внѣ Вашей резиденціи и вдали отъ Вашего совѣта, будутъ имѣть характеръ поспѣшности и внушать націи неправильныя опасенія.

Мнѣ кажется, что достаточно всего сказаннаго по этому поводу, чтобы доказать Вамъ, какъ необходимо Ваше скорѣйшее возвращеніе для счастья Вашей имперіи.

Я перехожу, дорогой Александръ, къ другому вопросу и умоляю Васъ меня выслушать, такъ какъ онъ будетъ касаться Вашего образа дѣйствій въ арміи, благодаря которому, я надѣюсь, Вы заставите себя обожать. Надо Вамъ сказать, дорогой и хорошій другъ, что, съ момента Вашего пріѣзда въ армію, Вы должны смотрѣть на себя (простите мнѣ это сравненіе) какъ на актера, который появляется на сценѣ. Вашими зрителями и судьями являются цѣлая нація и вся Европа; каждый Вашъ поступокъ, каждое Ваше слово и движеніе будетъ замѣчено, истолковано и пересужено, и о Васъ будетъ составлено мнѣніе на основаніи полученныхъ впечатлѣній. Судите-же, какъ важно для Васъ и для Вашей славы придавать каждому Вашему поступку и дѣйствію характеръ настоящаго величія. Начните, дорогой Александръ, съ уваженія къ самому себѣ, уважая сдѣланный Вами выборъ главнокомандующаго арміей.

Вы знаете, что въ арміи существуютъ заговоры и интриги; мнѣ кажется, что въ данный моментъ они подавлены, но будьте увѣрены, что одно Ваше необдуманное слово можетъ поднять ихъ съ новой силой, и тогда общественное дѣло погибло. Наблюдайте за всѣмъ сами, и если Вы дѣйствительно увидите, что поступки и мысли главнокомандующаго требуютъ измѣненія, объяснитесь лично съ нимъ безъ вмѣшательства третьяго лица. Вы выслушаете его доводы, Вы обсудите ихъ съ той естественной прямою, на которую способно Ваше сердце и укажете ему то, что Вы хотѣли бы измѣнить. Подобный образъ дѣйствій не оскорбляетъ и не ожесточаетъ въ дѣлахъ, всякій же другой принести имъ вредъ. Ради Бога, дорогой Александръ, старайтесь производить точныя различія между генералами арміи, основываясь на рекомендаціяхъ, данныхъ о нихъ главнокомандующимъ. Подобная щепетильность съ Вашей стороны будетъ настоящимъ благомъ для повиненія и поставитъ Васъ внѣ упрековъ, такъ какъ Вы должны полагаться на мнѣніе того, кто ихъ видѣлъ въ дѣлѣ на полѣ битвы; пусть Ваша доброта относительно тѣхъ, которыхъ Вы удостоиваете публично своей благосклонностью, будетъ лишена фамиллярности, которая есть настоящее зло. Въ томъ положеніи, въ которомъ Вы находитесь, дорогой Александръ, надо, чтобы Вы проводили различіе при оцѣнѣ поступковъ отличившагося старика или молодого человѣка, т. к. если Вы отнесетесь къ нимъ одинаково, то старикъ не будетъ чувствовать себя польщеннымъ, и его усердіе ослабнетъ. Будьте добры и привѣтливы съ войсками; одно ласковое слово, сказанное во-время, воспламеняетъ мужество. Не будьте, ради Бога, требовательны къ мелочамъ, на которыя обращаютъ вниманіе въ гарнизонѣ, но которыя утомляютъ солдата и внушаютъ ему отвращеніе. Наконецъ, дорогой

Александръ, такъ какъ Вы говорили, что не хотите командовать, то Вы избѣгнете, къ счастью, необходимости наказывать. Это надо предоставить исключительно Бенигсену, а Вы, дорогой Александръ, будете имѣть удовольствіе награждать и даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, прощать.

Для Васъ очень также важно, дорогой Александръ, не выказывать никакого предпочтенія Прусскимъ солдатамъ, офицерамъ и генераламъ; если они исполняютъ свою обязанность, тѣмъ лучше для ихъ чести, тѣмъ лучше для общаго дѣла; но, мой дорогой другъ, Вы вооружите противъ себя всѣхъ, если можно будетъ замѣтить или даже только подозрѣвать (а наша нація имѣетъ много такта), что Вы предпочитаете ихъ войска и офицеровъ своимъ. Это оскорбитъ національное самолюбіе, и это не простится, дорогой Александръ. Чтобы избѣгнуть возможности подобнаго осужденія, надо воздерживаться отъ сравненія обоихъ войскъ.

Мнѣ остается еще, обсуждая этотъ вопросъ, остановить Ваше вниманіе на томъ, что Вы должны заботиться о самосохраненіи, дорогой и многолюбимый Александръ; къ несчастью, Вамъ уже пришлось однажды, при прискорбныхъ обстоятельствахъ, выказать личную доблесть; Ваша нація это знаетъ и, отдавая справедливость Вашему мужеству, жестоко порицаетъ Васъ за то, что Вы рисковали ея благополучіемъ, подвергая себя опасности. Вашъ долгъ Монарха настойчиво запрещаетъ Вамъ подобное повтореніе, и Вы совершите преступленіе противъ Государства, Вашей семьи и матери, если нарушите это запрещеніе. Не увеличивайте безпокойства, которое терзаетъ мое сердце, и общайте мнѣ свято заботиться о своей безопасности.

Я перехожу, наконецъ, къ третьему вопросу о которомъ я хотѣла говорить съ Вами; онъ касается Вашихъ политическихъ дѣйствій во время Вашего пребыванія въ арміи. Вы догадываетесь, что я хочу говорить про Пруссію.

Дорогой Александръ, я не перестану Вамъ повторять, что пристрастіе Вашего Дѣда къ Берлинскому двору стало его гибелью, привязанность Вашего Отца къ этому же двору была для него пагубна, а Ваша, дорогой Александръ, была въ достаточной мѣрѣ неудачна до сихъ поръ. Я не хочу перечислять прошлые недочеты Берлинскаго двора относительно насъ, буду лишь очень просить Васъ поступать такъ, чтобы никто не могъ обвинить Васъ въ томъ, что Вы жертвуете ему интересами и славой Вашей страны. Ясно, что взяли за оружіе, чтобы помочь Пруссіи и спасти ее, но не менѣе ясно и то, что вслѣдствіе этого мы видимъ наши окраины въ опасности, а Васъ вынужденнымъ просить у націи значительной помощи, неслыханной въ лѣтописяхъ Россіи. Этимъ Вы какъ бы зондировали Вашихъ подданныхъ, и никогда еще нація не высказывала болѣе прекраснаго и величественнаго характера. Общее мнѣніе было выражено самымъ трогательнымъ и удовлетворяющимъ Васъ образомъ, дорогой Александръ.

(Пропускъ въ письмѣ).

Возстановленіе Пруссіи является второстепеннымъ вопросомъ для дѣла; такимъ образомъ, всѣ ожидаютъ, что переговоры о мирѣ будутъ вестись согласно этому правилу, т. е. что онъ будетъ заключенъ на выгодныхъ, славныхъ и по-

четныхъ для насъ условіяхъ, а возстановленіе Пруссіи будетъ являться только какъ второстепенная выгода. Вотъ, дорогой и хорошій Александръ, мой взглядъ (и я думаю, что онъ справедливъ) на общія ожиданія. Поэтому надо, чтобы своими дѣйствіями въ политикѣ Вы убѣдили націю, что поступаете только въ интересахъ ея славы и ея спокойствія, что Прусское вліяніе не существуетъ, что Вы оказываете ей только покровительство и поддержку, что Вы заключите миръ не тогда, когда этого захочетъ Пруссія, но когда это захотите Вы и когда Вы найдете, что миръ будетъ славенъ и необходимъ для Вашего Государства.

Вотъ, мой дорогой другъ (вѣрьте въ этомъ опытности и сердцу Вашей матери) главный пунктъ, на который Вы должны обратить вниманіе, чтобы избѣжать справедливыхъ упрековъ Вашихъ современниковъ и потомства. Я сознаюсь, что это разсужденіе побуждаетъ меня высказать одно желаніе, надъ которымъ я очень прошу Васъ подумать. Если бы на самомъ дѣлѣ переговоры о мирѣ начались во время Вашего пребыванія въ арміи, то я считала бы очень важнымъ для Васъ вызвать къ себѣ нѣкоторыхъ министровъ, чтобы совѣтоваться съ ними и внушить, такимъ образомъ, націи довѣріе къ этимъ переговорамъ. Если Вы пренебрежете этой предосторожностью, дорогой Александръ, то послѣдствія будутъ самыя плачевныя, и ничто не оградитъ Васъ отъ упрековъ во вліяніи Берлинскаго двора.

Вотъ, мой хорошій другъ, что я излагаю поспѣшно сегодня вечеромъ на бумагѣ; я надѣялась съ Вами говорить, но Ваши занятія не позволяютъ мнѣ сдѣлать это, потому я пишу Вамъ, и пусть чувство нѣжности, которое диктовало мнѣ эти мысли, заставитъ Васъ разобраться въ нихъ и обратить на нихъ вниманіе.

III.

Ce Jeudi, 23 Mai 1807.

J'ai reçu à mon réveil votre lettre du 17, cher Alexandre, et vous en remercie. Mais, mon bon Ami, la nouvelle que vous m'y donnez que *Danzig doit capituler, parce que la garnison n'a plus de charge de canon* m'a décomposée, je vous l'avoue. Quel sera le sort de cette malheureuse ville, de cette belle et valeureuse garnison? Je vous avoue, cher Alexandre, que, comme vous me dites dans le courant de votre lettre que Mr. de Bennigsen allait se porter en avant, mais qu'il trouverait Bonaparte renforcé des 28.000 hommes qui avaient fait le siège, je crains que la reddition de Danzig n'ait déjà eu lieu, et que c'est par ménagement que vous ne me l'énoncez pas clairement. Moi qui suis femme, et, par conséquent, totalement ignare en tactique, je m'afflige profondément de la perte de cette place, que j'ai supposée un point bien intéressant sous le rapport militaire et pour les facilités qu'il donnait par son port d'approvisionner l'armée. Enfin, Dieu veuille détourner de nous les suites fâcheuses que cette prise peut avoir pour vous et bénir les opérations que Bennigsen va entreprendre! Ainsi soit-il!

Je m'occuperai dès demain d'organiser la bâtisse nécessaire à l'Institut des Orphelines d'après le mode que je vous ai proposé et que vous avez approuvé; j'espère que tout pourra être terminé avant l'automne. J'en viens à l'article du logement de notre digne Lamsdorf, et je dois vous remarquer en premier lieu qu'il y a erreur si vous supposez, comme vous me le dites, que l'appartement de l'Archiduc entrain dans mon projet d'appartement pour Lamsdorf; il restait parfaitement intact, et il ne s'agissait que du simple pavillon où les cartes avaient été, et où mon Olimpe occupait quelques chambres. Ensuite permettez-moi d'oser vous dire encore, cher Alexandre, qu'à 63 ans il y a une terrible différence à descendre et monter un escalier froid, à passer en voiture avant les 8 heures du matin, ou à traverser de plain-pied un corridor de moins de 10 toises de long pour passer ensuite par les appartements bien chauffés de feu votre Père et des miens pour se rendre chez vos frères. Tel aurait été le cas de l'appartement que je vous avais demandé pour Mr. de Lamsdorf, mais dès ce que vous ne voulez pas, la chose tombe d'elle-même. Mais j'ose vous demander, cher Alexandre, de vouloir faire donner vos ordres pour trouver un logement pour Lamsdorf, parce qu'il lui est impossible de rester dans la maison qu'il habite: il s'y trouve et il y est trop mal, et, au pied de la lettre, il n'a pas une chambre qui ne soit remplie de ses enfans, jusqu'à l'antichambre; avec cela, la maison est parfaitement dégradée, tous ceux qui vont chez Lamsdorf pourront vous l'attester, et pour que vous et le C-te Tolstoï en soyez persuadés, j'ai ordonné à Lanskoï d'en faire l'inspection, et il en rendra compte au C-te Tolstoï. L'année passée déjà, Lamsdorf m'avait parlé de l'état de son appartement, j'avais l'espoir de le voir loger ici; cet hiver, il m'a répété la même chose, et, sa maison se dégradant de plus en plus, j'ai eu l'idée éphémère, en voyant l'appartement où mon frère Alexandre avait demeuré, de vous faire cette proposition, parce que, d'une façon ou l'autre, il ne peut rester où il se trouve: un valet de chambre est mieux logé que ne l'est ce digne homme, et en vérité, sous tout les rapports, il mérite nos plus grands égards, et toute votre reconnaissance, car il se voue à sa place avec un zèle méritoire et peu commun. Certainement, cher Alexandre, votre idée serait parfaite de le loger au-dessus de vos frères, mais Mr. de Soltikof n'avait que trois enfans, et Lamsdorf en a encore sept ou huit en bas âge; avec cela, Soltikof était défrayé de tout et faisait bombance aux frais de la Cour sans autre soin que de se mettre à table: ce ne serait pas le cas de Mr. de Lamsdorf, qui, tenant ménage, doit avoir de la place pour ces détails. Vous dites qu'on pourrait placer les d-llés d'honneur où avaient été les femmes de chambre d'Alexandrine, d'Hélène, de Marie, et que le mal est que toutes les femmes de chambre

occupent trois fois plus qu'elles n'occupaient avant. J'ai demandé à la générale Lieven des détails sur les chambres des femmes de mes trois filles, et les recevrai demain, par lesquels vous verrez qu'une grande et la plus grande partie de ces appartements ont été rendus au C-te Tolstoï. Je suis fâchée de vous avoir embarrassé un instant, cher Alexandre, avec la proposition de mon projet et n'y pense plus, mais je vous prie de donner vos ordres pour loger Mr. de Lamsdorf. Pardonnez-moi de vous ennuyer de ces détails: si Dieu m'eût conservé mon Epoux, et à mes Enfants leur Père, ce serait lui qui aurait soigné tout ce qui intéresse leur éducation; présentement, je ne puis que m'adresser à vous, cher Alexandre, qui devez remplir la place de père pour vos frères et, par conséquent, vous intéresser à tout ce qui peut contribuer à les voir devenir des sujets distingués, et de bons serviteurs de l'Etat et de vous. Ils réussiront s'ils ont le bonheur d'être conduits jusqu'à la fin de leur éducation par Lamsdorf: ainsi il faut tâcher de conserver ce digne homme. Bonsoir, cher Alexandre, je Vous embrasse tendrement.

Переводъ.

III.

23 Мая 1807 г. Четвергъ.

Я получила, какъ только проснулась, Вамъ письмо отъ 17, дорогой Александръ, и благодарю Васъ за него. Но, мой хорошій другъ, я должна Вамъ созваться, что меня очень разстроило извѣстiе о томъ, что „Данцигъ долженъ сдать на капитуляцію, такъ какъ въ гарнизонѣ нѣтъ больше запаса пороха“. Какова будетъ судьба этого несчастнаго города? Этого прекраснаго и доблестнаго гарнизона? Мнѣ кажется, дорогой Александръ, основываясь на томъ, что Вы мнѣ пишете, что Бенигсенъ долженъ былъ двинуться впередъ, но что Бонапартъ получилъ въ это время подкрѣпленіе въ 28000 человекъ и осадилъ городъ, что сдача Данцига уже совершилась и что Вы не говорите мнѣ это, пада меня. Хотя, какъ женщина, я совершенно несвѣдуща въ тактикѣ, но тѣмъ не менѣе я глубоко огорчена потерей этой крѣпости, которую я считала очень важнымъ пунктомъ въ военномъ отношеніи, а также вслѣдствіе удобства подвоза провіанта для арміи.

Да отвратитъ Господь отъ Васъ печальныя послѣдствія этой потери и да благословитъ Онъ дальнѣйшія дѣйствія Бенигсена. Да будетъ такъ!

Съ завтрашняго дня я займусь устройствомъ необходимаго помѣщенія для сиротскаго института, согласно плану, который я Вамъ представила и который Вы одобрили. Я думаю, что все можетъ быть кончено къ осени.

Теперь я перехожу къ вопросу о помѣщеніи для нашего уважаемаго Ламсдорфа, дорогой Александръ, и я должна Вамъ замѣтить прежде всего, что Вы ошибаетесь, если предполагаете, что при устройствѣ квартиры Ламсдорфу я хотѣла воспользоваться апартаментами Эрцгерцога. Они остались неприкосновенны, и дѣло касалось лишь простаго флигеля, гдѣ помѣщались раньше придворные и гдѣ мой Олимпъ занималъ нѣсколько комнатъ. Затѣмъ, по-

звольте мнѣ Вамъ сказать еще, дорогой Александръ, что для челоѣка въ 63 года есть огромная разница, между тѣмъ чтобы спускаться и подниматься по холодной лѣстницѣ, выѣзжая притомъ раньше восьми часовъ утра, или тѣмъ, чтобы проходить по ровному корридору менѣе 10 сажень длины и затѣмъ черезъ хорошо натопленные апартаменты Вашего покойнаго Батюшки и мои, чтобы попасть къ Вашимъ братьямъ. Таково было бы то помѣщеніе, которое я просила у Васъ для Ламсдорфа; но разъ Вы этого не хотите, то вопросъ падаетъ самъ собой. Однако я рѣшаюсь просить Васъ, дорогой Александръ, приказать найти помѣщеніе для Ламсдорфа, потому что онъ не можетъ оставаться болѣе въ томъ домѣ, гдѣ онъ живетъ; ему тамъ очень неудобно, и у него буквально нѣтъ ни одной комнаты, не исключая и передней, которая не была бы занята его дѣтьми. Къ тому же самъ домъ пришелъ въ полный упадокъ; это Вамъ могутъ подтвердить всѣ тѣ, которые бывають у Ламсдорфа и, чтобы убѣдить въ этомъ Васъ и графа Толстого, я приказала Ланскому произвести осмотръ дома и представить объ этомъ отчетъ графу. Еще въ прошломъ году Ламсдорфъ говорилъ мнѣ о плохомъ состояніи своего помѣщенія, и я надѣялась, что онъ поселится здѣсь; этой зимой онъ повторилъ тоже самое и такъ какъ его домъ все болѣе и болѣе разрушается, мнѣ пришла бѣглая мысль при видѣ тѣхъ апартаментовъ, въ которыхъ жилъ мой братъ Александръ, попросить Васъ устроить его здѣсь, такъ какъ онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ оставаться тамъ, гдѣ онъ живетъ теперь. Камердинеръ устроенъ лучше, чѣмъ этотъ достойный челоѣкъ, а на самомъ дѣлѣ, онъ во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ нашего самага большого уваженія и Вашей благодарности, такъ какъ онъ отдаетъ всего себя Вамъ съ необыкновеннымъ и рѣдкимъ рвеніемъ.

Конечно, дорогой Александръ, Ваша мысль помѣстить Ламсдорфа надъ Вашими братьями была бы прекрасна; но Салтыковъ имѣлъ только трое дѣтей, а у Ламсдорфа ихъ семь или восемь малолѣтнихъ. Кромѣ того Салтыковъ былъ избавленъ ото всѣхъ расходовъ и ѣлъ отъ двора, тогда какъ Ламсдорфъ, который самъ ведетъ хозяйство, долженъ имѣть для этого достаточно помѣщенія. Вы говорите, что можно было бы помѣстить фрейлинъ туда, гдѣ раньше были служанки Александры, Елены и Маріи и что все зло въ томъ, что служанки занимають теперь въ три раза больше мѣста, чѣмъ раньше. Я просила генеральшу Ливенъ дать мнѣ свѣдѣнія о комнатахъ, занимаемыхъ горничными моихъ трехъ дочерей; получу ихъ завтра, и Вы тогда увидите, что большая часть этого помѣщенія отдана графу Толстому.

Мнѣ очень жаль, дорогой Александръ, что я обезпokoила Васъ своимъ предложеніемъ, но я уже болѣе о немъ не думаю. Я Васъ прошу, все таки, приказать устроить Ламсдорфа. Извините, что я надоедаю Вамъ этими подробностями; если бы Господь сохранилъ мнѣ моего Супруга, а моимъ дѣтямъ ихъ отца, то это былъ бы онъ, который заботился бы обо всемъ, что касается ихъ воспитанія. Теперь же я могу обращаться только къ Вамъ, дорогой Александръ, который долженъ замѣнить отца своимъ братьямъ и интересоваться всѣмъ тѣмъ, что можетъ помочь имъ стать вѣрными подданными и хорошими слу-

гами Государству и Вамъ. Это и будетъ, если ихъ воспитаніе доведется до конца Ламсдорфомъ, поэтому надо стараться сохранить этого достойнаго человѣка.

До свиданія, дорогой Александръ, пѣжно обнимаю Васъ.

IV.

Ce Vendredi, 24 Mai.

Bonjour, cher et bon Alexandre, enfin nous avons une journée d'été, aussi comptons-nous nous établir demain, s'il plaît à Dieu, au Palais Taurique y passer notre été, mais, comme tous les chemins mènent à Rome, si le temps est beau demain, j'irai dîner à Pawlovsk, pour venir coucher à la Tauride. On me prêche l'exercice, car, depuis ma douleur du dos, je suis du plus au moins incommodée des hémorroïdes, qui se portent tantôt à la tête, tantôt au dos, et me tourmentent assez; j'espère que l'exercice me chassera ces vilains petits maux. Lanskoï vient dans ce moment me rendre compte de la visite qu'il a faite de la maison de Lamsdorf; en honnête homme, il en rendra compte à Tolstoï, il m'a dit, en ces termes: le général y demeure comme on se trouve sur un vaisseau, entassés les uns sur les autres, et avec cela la maison est en ruine. Vous voyez donc, cher et bon Alexandre, que vos ordres sont nécessaires pour lui faire changer de logement. Je n'ai rien de bien intéressant à vous dire d'ici, nous allons monter à cheval à Catrinenhof, j'y vais pour faire plaisir à Catau qui le désire. Mes pensées n'ont que vous pour objet; je tâche de comprendre mille choses que je ne comprends pas, c'est-à-dire de me les expliquer, mais je n'y réussis pas: il faut attendre votre retour. Toute la ville en parle, mais vous, vous, cher Alexandre, ne m'en dites rien: ainsi qu'en croire? Dieu veuille réaliser cette attente générale, et ce voeu de mon cœur! Alexandre, je suis triste et inquiète, je ne sais pas aimer froidement, ni penser tranquillement à mon Enfant dans les circonstances actuelles. Que la Providence veille sur vous, sur la Russie, et nous accorde succès et bonheur! Adieu, mon bon cher Ami. Maman vous embrasse de ses deux bras et vous aime tendrement.

Marie.

Переводъ.

IV.

24 Мая, Пятница.

Здравствуйте, дорогой и хорошій Александръ,

Сегодня наконецъ у насъ лѣтній день, поэтому мы рассчитываемъ переселиться завтра, если это будетъ угодно Богу, въ Таврической дворецъ, чтобы провести тамъ лѣто, а такъ какъ всѣ дороги ведутъ въ Римъ, то если завтра будетъ хорошая погода, я поѣду обѣдать въ Павловскъ и вернусь ночевать въ Таврической дворецъ. Миѣ прописано движеніе, такъ какъ съ тѣхъ поръ,

какъ у меня стала болѣть спина, меня болѣе или менѣе беспокоить геморрой, который бросается то въ голову, то въ спину, что причиняетъ мнѣ мученія. Я надѣюсь, что движеніе прогонитъ эти недомоганія.

Ланской только что приходилъ сдѣлать мнѣ отчетъ въ своемъ осмотрѣ дома Ламсдорфа; онъ, какъ честный человѣкъ, представитъ этотъ отчетъ Толстому. Онъ мнѣ сказалъ, что семья генерала живетъ тамъ, какъ на кораблѣ, сбившись въ одну кучу, и домъ къ тому же совершенно разрушенъ.

Вы видите, дорогой Александръ, что Вамъ необходимо приказать перемѣнить ему квартиру.

Я не могу сообщить Вамъ ничего интереснаго про нашу здѣшнюю жизнь. Скоро мы будемъ ѣздить верхомъ въ Екатерингофъ. Я поѣду туда, чтобы доставить удовольствіе Като, которая этого хочетъ.

Всѣ мои мысли заняты Вами. Я стараюсь понять, т. е. объяснить себѣ тысячу вещей, которыхъ я не понимаю, но это мнѣ не удастся. Надо подождать Вашего возвращенія. Весь городъ говоритъ о немъ, но Вы, дорогой Александръ, Вы ничего не говорите мнѣ. Чему-же вѣрить? Да оправдаетъ Господь общія ожиданія и желанія моего сердца!

Александръ, я грустна и безпокойна, я не умѣю любить холодно и думать спокойно о моемъ ребенкѣ при существующихъ обстоятельствахъ. Пусть Провидѣніе сохранитъ Васъ и Россію и дастъ намъ успѣхъ и счастье.

Прощайте, мой хорошій, дорогой другъ. Ваша мать обнимаетъ Васъ обѣими руками и любитъ Васъ нѣжно.

Марія.

V.

Au Palais Taurique, ce Samedi 25 Mai 1807.

Nous voici établis depuis dîner ici, cher et bon Alexandre. Dieu veuille que nous vous y voyons bientôt des nôtres, et alors nous serons toutes heureuses. Je vous avais dit hier, cher Alexandre, que je prendrais la route de Pawlovsk pour venir ici. mais Creighton en a décidé autrement: il n'a pas consenti à cette course, parce qu'il a craint que mon mal de dos, qui n'est pas entièrement passé, pourrait redevenir plus fort si je m'échauffais, les hémorroïdes me tracassant encore. J'ai senti la justesse de cette remarque, et je n'ai pas voulu risquer pour une fantaisie de souffrir plusieurs jours. Avant de venir ici, j'ai été à la Forteresse, cher et bon Alexandre, demander aux pieds du cercueil de votre bon Père qu'il vous bénisse, et j'ai supplié l'Être Suprême d'exaucer les bénédictions de votre Père. Le temps nous a favorisés aujourd'hui; il a fait très chaud et très beau, la verdure pousse beaucoup. mais cependant il n'y a encore que les bouleaux de verts. J'ai reçu hier soir, mon bon Ami, votre lettre du 19 et je ne puis assez vous exprimer ma vive sensibilité sur la manière tendre et remplie de délicatesse dont vous vous exprimez pour moi au sujet du projet de mariage de

notre Catiche. Veuillez l'Être Suprême diriger la chose d'après sa Sainte volonté et pour le bonheur de Catau! C'est lui, et lui seul, que mon cœur désire et que l'espérance de la savoir contente et satisfaite le base, cher et bon Alexandre, sur le caractère loyal et honnête de l'Empereur: il ne faut que des qualités de cœur aux époux de mes filles pour qu'elles soient heureuses. Est-il possible d'être plus nul, plus dépourvu, entre nous soit dit, de bon sens, de tout moyen quelconque que le Pr. de Weimar? Eh bien! il a bon cœur, il est honnête: Marie est heureuse avec lui, et l'aime tendrement. Hélène aimait le Pr. de Mecklembourg, qui n'est rien moins qu'aimable, parce qu'il était bon. Enfin il n'y avait qu'Alexandrine qui avait le bonheur de réunir dans son époux l'homme essentiel et le meilleur caractère. En vérité, cher Alexandre, vos sœurs ont des principes si sûrs, un si grand fonds de religion, d'amour de leurs devoirs, qu'elles baseront toujours leur jugement sur leurs époux, sur les qualités essentielles du caractère et leur feront grâce de ceux qui ne portent que sur l'agrément. Ce n'est qu'après le plus sévère examen des sentiments de Catherine que je vous ai écrit, cher Alexandre; si je ne les avais pas trouvés très prononcés pour cet établissement après que nous en avons analysé les deux faces, jamais je ne vous en aurais articulé un mot. Faites une réflexion bien importante, cher Alexandre, et puis jugez Maman, et l'effort qu'elle a dû faire sur elle-même pour mettre en train cette affaire. Le bonheur, l'agrément, la consolation de mes jours tient à la présence de Catiche; elle est mon Enfant, mon Amie, ma compagne, le charme de mes jours: tout mon bonheur personnel croule lorsqu'elle s'éloigne, et cependant, parce qu'elle croit trouver le sien dans cet établissement, que je l'espère de même, je m'oublie, je m'abasourdis sur la blessure profonde que je fais à mon cœur, et ne pense qu'à Catau.

Votre réflexion, cher Alexandre, sur la nécessité de sonder l'Archevêque avant de faire remettre ma lettre est des plus sages et juste, mais je ne pourrai me permettre cette démarche avant que vous me la dictiez. J'ai écrit aujourd'hui à l'Archevêque de main propre la lettre dont voici la copie; j'ai cru mieux faire d'écrire que de mettre un troisième encore dans la confidence, et puis nous aurons noir sur blanc son opinion. Il m'a fait dire que demain matin je recevrais sa réponse: mais il est impossible qu'il puisse faire des difficultés, les exemples que je lui cite sont trop frappants, et puis d'ailleurs je me rappelle que feu l'Archevêque Gabriel disait qu'il y a une loi, un édit de Pierre I qui dit que les mêmes observances pour les particuliers, en fait de mariage, ne sauraient être observées pour les familles des têtes couronnées. L'Archevêque Gabriel n'avait pas trouvé de difficulté au mariage d'une des petites avec son Cousin Germain, le Pr. Electoral de Würtemberg: même il avait poussé

les facilités si loin qu'il avait dit, lors du projet de mariage en Suède, qu'Alexandrine, quoique restant de notre religion, pourrait cependant aussi communier à la luthérienne avec le Roi; mais voilà à quoi et feu l'Empereur et moi n'avons jamais voulu consentir. Voyons ce que l'Archevêque Ambroise me répondra demain.

Je commence à croire à la perte de Danzig, cher Alexandre; toute la ville en parle: les négociants doivent en avoir reçu la nouvelle de Memel et de Königsberg. J'avoue que j'en suis très affligée. Que sera devenu le beau corps de nos troupes commandé par le Pr. Tscherbатов, et quels auront été les articles de la capitulation? Cher et bon Alexandre, vous me dites que *les devoirs dont vous avez été abreuvé* vous ont empêché de me parler de nos avantages partiels; savez-vous que ces mots soulignés par moi m'ont fait un mal affreux! Que ne puis-je alléger vos peines, que ne puis-je les partager et porter dans votre âme les consolations de l'amour maternel et de la plus vive tendresse! Bonsoir, cher et bon Alexandre, que Dieu vous bénisse comme vous l'êtes par moi!

Переводъ.

V.

Въ Таврическомъ дворцѣ, 25 Мая 1807 года, Суббота.

Мы переѣхали сюда послѣ обѣда, дорогой и хорошій Александръ. Дай Богъ, чтобы мы поскорѣ увидѣли Васъ съ нами, и тогда мы всѣ будемъ счастливы. Я Вамъ писала вчера, дорогой Александръ, что я поѣду сюда черезъ Павловскъ, но Крейтонъ рѣшилъ иначе. Онъ не согласился на эту поѣздку, потому что онъ боялся, что мои боли въ спинѣ, которыя не совсѣмъ еще прошли, сдѣлаются сильнѣе, если я разгорячусь, такъ какъ геморой все еще меня мучаетъ. Я поняла справедливость этого замѣчанія и не захотѣла изъ-за фантазіи подвергать себя риску и мучиться нѣсколько дней.

Прежде чѣмъ пріѣхать сюда, я была въ крѣпости, дорогой и хорошій Александръ, и просила у гроба Вашего Отца, чтобы онъ благословилъ Васъ; я умоляла также Всевышняго, чтобы Онъ услышалъ отцовскія молитвы.

Сегодня намъ погода благопріятствовала: было очень тепло и хорошо. Зеленъ распускается быстро, но пока еще одиѣ только березы покрыты листьями.

Я получила вчера вечеромъ Ваше письмо, мой хорошій другъ, и я Вамъ очень признательна за ту нѣжность и деликатность, съ которой Вы выражаетесь по поводу проэктовъ о бракѣ нашей Катюши. Да устройте все Всевышній по Своей святой волѣ и на счастье Като.

Мое сердце желаетъ только одного ея счастья, и я основываю свою надежду видѣть ее довольной и удовлетворенной, дорогой Александръ, на прямотѣ и честности характера Императора. Чтобы мои дочери были счастливы, надо только, чтобы ихъ супруги имѣли сердечныя качества. Можно-ли быть болѣе ничтожнымъ, болѣе лишеннымъ здраваго смысла и способностей, говоря между нами, чѣмъ принцъ Веймарскій? Но у него доброе сердце, онъ

честенъ, и Марія счастлива съ нимъ и нѣжно любитъ его. Елена любила Мекленбургскаго, который былъ вовсе не любезенъ, но добръ; одна только Александра имѣла счастье соединить въ своемъ супругѣ надежнаго человѣка и отличный характеръ.

На самомъ дѣлѣ, дорогой Александръ, Ваши сестры имѣютъ такіе твердые принципы, такую глубокую основу вѣры и любви къ своимъ обязанностямъ, что онѣ всегда будутъ руководствоваться въ своихъ сужденіяхъ о супругахъ главными качествами ихъ характеровъ и извинять имъ отсутствіе другихъ достоинствъ.

Я Вамъ написала про это, дорогой Александръ, только послѣ очень строгой провѣрки чувствъ Екатерины. Если бы я нашла ихъ недостаточно сильными для ея вступленія въ бракъ и не взвѣсила бы всѣ положенія, я никогда не заикнулась бы Вамъ объ этомъ. Подумайте серьезно надъ этимъ, дорогій Александръ, и судите потомъ Вашу мать и тѣ усилія, которыя она должна была сдѣлать надъ собой, чтобы дать ходъ этому дѣлу. Счастье, радость и спокойствіе моей жизни зависятъ отъ присутствія Като. Она мое дитя, мой другъ, моя подруга, прелесть моихъ дней; мое личное счастье рушится, если она уйдетъ отъ меня, но т. к. она думаетъ, что найдетъ свое счастье въ этомъ бракѣ и такъ какъ я надѣюсь тоже на это, то я забываю себя, ту глубокую рану, которую я наношу своему сердцу, и думаю только о Като.

Ваше размышленіе, дорогій Александръ, о необходимости узнать мнѣніе архіепископа, прежде чѣмъ отправить мое письмо, очень справедливо и умно, но я не могу рѣшиться на этотъ поступокъ безъ Вашего руководства. Я написала сегодня собственноручно архіепископу письмо, копію съ котораго посылаю Вамъ. Я предпочла написать, чѣмъ вмѣшиваться въ это дѣло третье лицо, и потомъ мы будемъ такимъ образомъ имѣть его мнѣніе, написанное чернымъ по бѣлому. Онъ велѣлъ мнѣ сказать, что я получу его отвѣтъ завтра утромъ. Невозможно, чтобы онъ сдѣлалъ какія-нибудь затрудненія; примѣры, которые я привожу ему, слишкомъ значительны и, къ тому же, я помню, что покойный архіепископъ Гавріиль говорилъ, что есть одинъ законъ Петра I, въ которомъ сказано, что уставы о бракѣ для частныхъ лицъ не примѣняются къ коронованнымъ особамъ. Архіепископъ Гавріиль не сдѣлалъ никакихъ затрудненій во время брака одной изъ моихъ дѣвочекъ съ ея двоюроднымъ братомъ курфюрстомъ Вюртембергскимъ. Онъ даже былъ такъ снисходителенъ, что сказалъ при заключеніи брака въ Швеціи, что Александра можетъ, не мѣняя своей религіи, причащаться по лютеранскому обряду съ королемъ. Но на это ни умершій Императоръ, ни я никогда не хотѣли согласиться. Посмотримъ, что отвѣтитъ мнѣ завтра Архіепископъ Амвросій.

Я начинаю вѣрить въ потерю Данцига, дорогій Александръ. Весь городъ говоритъ объ этомъ. Негоціанты получили это извѣстіе изъ Мемеля и Кенигсберга. Я сознаюсь, что я этимъ очень огорчена. Чтò стало съ нашимъ отрядомъ подъ командою князя Щербатова? И какія условія капитуляціи? Дорогой я добрый Александръ, Вы говорите мнѣ, „что дѣла, которыми Вы были

завалены“, помѣшали Вамъ говорить мнѣ о нашихъ частныхъ выгодахъ. Знаете-ли Вы, что Ваши слова, подчеркнутыя мною, причинили мнѣ большую боль?

Почему я не могу облегчить Ваши труды и успокоить Вашу душу материнской любовью и нѣжностью? До свиданія, дорогій и хорошій Александръ, да благословить Васъ Богъ, какъ я благословляю Васъ.

VI.

Ce 26 Mai, Dimanche.

Je viens de me promener avec Catiche, mais le soleil est si poignant qu'il est impossible de faire une bonne promenade, car l'ombre nous manque. C'est pendant les apprêts de la promenade que j'ai reçu la réponse de l'Archevêque, que je joins ici en original, cher et bon Alexandre. Ainsi la conscience est à l'aise de ce côté, et Dieu seul décidera de la chose selon sa bonté et sa sagesse, sans que je me permette de pénétrer ses vues, ni sans que je me permette de même de vœux trop ardents. Que faites-vous, mon bon Ami? Quelles sont vos dispositions? Avez-vous lieu d'être plus content, êtes-vous inquiet ou rassuré, voilà les pensées dominantes du cœur de Maman, car mon Alexandre est tout, tout pour moi. Adieu, cher Enfant, je vous aime et vous embrasse tendrement.

Marie.

Переводъ.

VI.

26 Мая, Воскресенье.

Я только что гуляла съ Катишь, но солнце такое жгучее, что невозможно много гулять, потому что нѣтъ тѣни. Во время приготовленій къ этой прогулкѣ я получила отвѣтъ архіепископа, который я прилагаю въ оригиналѣ, дорогій и хорошій Александръ. Съ этой стороны совѣсть можетъ быть спокойна. Одинъ Господь рѣшить все по Своей добротѣ и разуму, и я не позволю себѣ проникать въ Его намѣренія и высказывать слишкомъ горячія желанія.

Что дѣлаете Вы, мой хорошій другъ? Какіе Ваши планы? Имѣете-ли Вы основанія быть болѣе довольнымъ; волнуетесь-ли Вы или успокоились? Вотъ главные вопросы, занимающіе сердце Вашей матери, потому что мой Александръ все для нея.

До свиданія, дорогое дитя, я Васъ люблю и нѣжно цѣлую.

Марія.

*

Извиняемся въ томъ, что не всѣ эти письма переведены съ должною тщательностью. Вспоминается намъ и двустипшіе Пушкина: Доселѣ гордый нашъ языкъ къ почтовой прозѣ не привыкъ. П. В.